

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И С.М.АЛЯНСКИЙ: ПЕРЕПИСКА

Предисловие и публикация Джона Малмстада

С конца июля 1913 и до начала сентября 1916 Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев; 1880–1934) безвыездно проживал за границей, в антропософском окружении и в постоянной близости к Рудольфу Штейнеру. В 1913–1914 в трех выпусках сборника «Сирин» выходит его роман «Петербург», после чего, начиная с 1915, он совсем исчезает как автор со страниц русской печати. Вынужденный отрыв от родины еще более усугубился с началом Первой мировой войны, когда переписка его с Россией становится отрывочной и случайной, и он, хотя и продолжает писать, почти полностью теряет контакт с живой литературной действительностью в своей стране. 3(16) марта 1915 Белый писал Иванову-Разумнику (Разумник Васильевич Иванов; 1878–1946): «3-летняя жизнь за границей меня выбросила из осведомленности. Я даже не знаю, какие издательства есть. Есть ли, например, “Шиповник”? Если бы Вы указали, куда, по-Вашему, можно было бы мне обратиться, был бы я Вам чрезвычайно обязан»¹. Спустя восемь месяцев положение вещей оставалось для Белого таким же, судя по его письму от 7(20) ноября к тому же корреспонденту: «Все проекты устроиться с литературой пролетели; да и ничего не могу сделать на расстоянии»². В 1916 А.Блок и Иванов-Разумник, которым было хорошо известно катастрофическое финансовое положение Белого, устраивают издание «Петербурга» отдельной книгой, а Иванов-Разумник выхлопотал ему, кроме того, заказ от «Биржевых новостей» на серию статей. Это, однако, не решало главной для Белого задачи – сразу же по возвращении в Россию снова войти в русскую литературную жизнь, в которой он до своего отъезда в 1913 принимал активное участие.

Белый довольно быстро занимает прежнее место в предреволюционной литературной и культурной жизни обеих столиц. Приехав в Москву в начале сентября, он заключает договор с В.В.Пашуканисом на издание собрания своих сочинений. В течение 1917 вышли два тома из этого собрания (кн. 4 и 7), но выпуск дальнейших томов издательство прекратило, а вскоре оно и вовсе было закрыто большевиками. До 1917 произведения Белого печатались издательствами, рассчитывающими не на массового читателя, но почти исключительно на культурную элиту, на читателя, ориентированного на модернизм. В хаосе революционных событий и Гражданской войны как раз

¹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А.В.Лаврова и Дж. Малмстада; Подгот. текста Т.В.Павловой, А.В.Лаврова и Дж. Малмстада. СПб.: Atheneum–Феникс, 1998. С.52.

² Там же. С.60.

эти издательства закрывались одно за другим, и уже к июлю 1918 Белый остался без издателя. Правда, он продолжал печататься в разных журналах, сборниках и газетах, главным образом благодаря усилиям своего друга Иванова-Разумника, но у писателя оставалось еще много рукописей, требовавших публикации в виде книг.

Как и в 1915–1916, помогать старому другу взялся А.Блок. Поздней весной 1918 молодой владелец книжной лавки в Петербурге Самуил Миронович Алянский (1891–1974) решил открыть новое издательство и в связи с этим обратился за советом к А.Блоку, надеясь также получить от него разрешение на переиздание некоторых прежних, а также издание новых книг поэта. История возникновения издательства «Алконост» рассказана самим С.М.Алянским в его воспоминаниях³. Уже при первой встрече с Блоком Алянский рассказал ему о своей идее издательства, которое могло бы вновь объединить символистов. Сомневаясь в реальности этой идеи, Блок тем не менее рекомендовал Алянскому познакомиться с Андреем Белым, Вячеславом Ивановым и другими своими собратьями по символизму. Знакомство это и состоялось в Москве летом 1918, а 5 сентября Блок писал Белому: «Алянский <...> человек деятельный, “американец”. Думаю, что у нас ним выйдут дела»⁴.

Блок не ошибся: с 1918 по 1921 «Алконост» выпустил семь книг Белого и был фактически его единственным издателем (исключение составляет книга «Офейра. Путевые заметки», изданная «Книгоиздательством писателей в Москве» в 1921). И в марте 1919, когда Алянский праздновал девятимесячный юбилей со времени основания издательства, Белый присоединился «к приветствующим “Алконост” с одним условием: эти приветствия – не приветствия юбиляру, совершившему плавание; эти приветствия – “в добрый путь!”... И – вперед! Впереди лежат годы»⁵. В эти годы Белый уезжал из России, вернулся, пробовал стать «советским писателем»; Алянский же, после того как в 1923 «Алконост» прекратил свое существование, сделался видным сотрудником издательств сначала в Ленинграде, а затем в Москве.

Полная их переписка, содержащая в себе все, что нам известно об их отношениях, публикуется здесь впервые.

Письма С.М.Алянского к Андрею Белому публикуются по автографам, хранящимся в архиве Андрея Белого в Российской государственной библиотеке (письма №1, 2, 5, 6, 7: РГБ. Ф.25. Карт.8. Ед.хр.9) и в Российском государственном архиве литературы и искусства (письма №10, 13, 21, 22:

³ Алянский С. Встречи с Александром Блоком. М., 1969. См. также: Белов С.В. Мастер книги: Очерк жизни и деятельности С.М.Алянского. Л., 1979; Глейзер М.М. Издательство «Алконост». 1918–1923: Краткий историко-книговедческий очерк. Издательский библиографический каталог. Л., 1990.

⁴ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919 / Публ., предисл. и коммент. А.В.Лаврова. М., 2001. С.517.

⁵ Запись в альбоме Алянского, сделанная Белым в Москве 8 марта 1919. Цит. по: Белов С.В. Мастер книги... С.26.

РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.149). Письма Андрея Белого к С.М.Алянскому воспроизводятся по автографам, хранящимся в Российском государственном архиве литературы и искусства в фонде С.М.Алянского (РГАЛИ. Ф.20. Оп.1. Ед.хр.14).

Письма №24, 26 и 27 были опубликованы с неточностями и пропусками (в №26 пропущено все, что касалось Л.Б.Каменева) в составе публикации: Из писем Андрея Белого 1927–1933 гг. / Публ. Т.В.Анчуговой // Перспектива-87. Советская литература сегодня: Сборник статей. М., 1988. С.498-499, 503-507.

Выражаю благодарность С.В.Белову, Н.А.Богомолову, В.Е.Гитину, А.В.Лаврову и А.Е.Парнису за помощь в подготовке публикации.

1. Алянский – Андрею Белому
6 июля 1918. Петроград

Глубокоуважаемый Борис Николаевич!

Ссылаясь на личные переговоры с Вами¹, спешу сообщить, что на днях к Вам должен зайти мой товарищ, Георгий Федорович Кнорре², которому, согласно нашему уговору, Вы выдадите рукопись Вашей статьи из книги «Кризис сознания», получив с него аванс в размере руб. 250–300³. Дело в том, что в настоящую минуту, пока не приступлено к печати, невозможно определить стоимость всего издания, а таким образом, невозможно установить и 10% с номинальной цены всего издания – Ваш гонорар. Таким образом, цифра указанного аванса является произвольной. Но как только будет приступлено к печати, а приступить можно немедленно по получении рукописи, я немедленно пришлю Вам точный расчет Вашего гонорара.

Одновременно с рукописью прошу передать Ваши указания, если таковые имеются, относительно внешней стороны издания. Также просьба сообщить: считаете ли Вы необходимым присылку Вам корректуры для авторских исправлений; ввиду сложности пересылки это слишком задержало бы выход книги. Кроме того, вторично обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой указать, по возможности, больше названий материала, который Вы могли бы предоставить для нашего издательства, которое, кстати, именуется «Алконост»⁴. Очень желательно было бы, если бы Вы могли предоставить нам кроме статей небольшой сборник Ваших стихотворений, помещенных в разных периодических изданиях и связанных общей мыслью⁵. Желательно также, чтобы матерьял, предоставляемый нам, распределялся по 3–4–5 листов на книгу, т. к. ограниченность средств не позволяет на первое время приняться за издание крупных трудов.

Извиняюсь, что так назойливо беспокою Вас, но сильное желание работы в этой области толкает меня на это.

Примите уверение в совершенном уважении.

С.Алянский

6/VII 1918 г.

P.S. Для сведения сообщаю еще раз мой адрес: Петроград. Колокольная, 1. Книж<ый> магаз<ин> В.Васильева для Самуила Миновича Алянского⁶.

С.А.

¹ Ср. запись Белого за июль 1918: «В этом месяце встреча с Алянским <в Москве>; начало сближения с Книгоиздательством “Алконост”» (*Андрей Белый*. Ракурс к «Дневнику». Материал к биографии за 1899–1930 гг. Составлен для личного использования // РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.100. Л.95. Далее: РД, без указания листа). В своих воспоминаниях (Встречи с Александром Блоком. С.46-48) Алянский пишет, что познакомился с Белым и договаривался с ним об издании его сочинений в «Алконосте» уже после выхода из печати поэмы А.Блока «Соловьиный сад». Однако поэма вышла 19 июля, то есть после написания этого письма, и в каталоге, напечатанном вместе с поэмой, уже было объявлено о предстоящем издании «Алконостом» книги Белого «Кризис сознания».

² Г.Ф.Кнорре (1891–1962) – одноклассник и друг Алянского, в 1920-е жил с ним в одном доме на Знаменской, 22. Сын известного инженеромостостроителя Ф.Ф.Кнорре, брат писателя Ф.Ф.Кнорре. Учился в Консерватории, в 1920 окончил Петроградский технологический институт. Под псевдонимом Алексей Кириллов издал в «Алконосте» книгу «Записки Всеволода Николаевича. Повесть» (1918). В 1920-е работал в Ленинградском технологическом институте, с 1931 – профессор, заведовал кафедрой. После эвакуации переехал в Москву, заведовал кафедрой МВТУ. Основная сфера деятельности – теплотехника. Подробнее см.: Георгий Федорович Кнорре – инженер, ученый, человек. М.: Изд. МГТУ, 1991.

³ 2 мая 1917 Белый писал Иванову-Разумнику: «За эти два месяца я ужасно много работал. “Кризис Сознания” вышел в 18 печ<атных> листов, так что переутомился» (*Андрей Белый и Иванов-Разумник*. Переписка. С.108). Однако такой книги у Белого нет. Тремя годами позднее, в письме, помеченном первой декадой июля 1920, сообщая Иванову-Разумнику план двадцатитомного собрания сочинений, Белый том 16-й озаглавил «Кризис сознания». Он включил в этот том: 1) «Кризис жизни», 2) «Кризис мысли», 3) «Кризис культуры», 4) «Alter Ego» – статью, впоследствии опубликованную в «Записках мечтателей» (1921. №2/3) под названием «Утопия», 5) статью «Революция и культура», 6) «Дневник писателя» (из «Записок мечтателей»), 7) «Песнь Солнценосца» (из 2-го сборника «Скифы») и 8) «Глоссоластию». Из этих восьми работ последние пять были написаны позднее мая 1917 – и, следовательно, не могли входить в книгу «Кризис сознания», за-

конченную к началу мая 1917 и представляющую собой довольно большой том (18 печатных листов). К тому же первые три «Кризиса» были написаны значительно позднее мая 1917, но, как пишет Белый, на основе переработанного материала «для отдельной книжки» (см. письмо 2, примеч. 1). Нельзя сказать, что именно из «Кризиса сознания» (1917) Белый обещал Алянскому летом 1918 (при скромных издательских возможностях «Алконоста» Алянский не мог бы печатать книгу в 18 печатных листов). В 1920 Белый написал четвертый «Кризис» – из цикла «На перевале» и назвал его «Кризисом сознания». См. письмо 20, примеч. 2.

⁴ О возникновении «Алконоста» см.: *Алянский С.М. Встречи с Александром Блоком. С.39-49; Белов С.В. Мастер книги... С.14-17.* На обложке «Соловьиного сада» – первой книги, выпущенной «Алконостом», название издательства пишется с мягким знаком – «Альконост». Белый в письмах к Алянскому придерживался этого написания. Ошибка в названии была исправлена по указанию Вяч. Иванова (*Алянский С.М. Встречи с Александром Блоком. С.55*).

⁵ Четвертая книга стихов Белого «Королевна и рыцари», с подзаголовком «Сказки», была издана «Алконостом» лишь в 1919 (Типография А.Лаврова и К°. 4500 экз. Цена 21 руб.). Небольшой сборник состоит из девяти стихотворений, написанных в 1909–1911, и одного стихотворения 1918 года.

⁶ «Осенью 1917 года на Колокольной улице, 1, в двухэтажном доме купца Николая Васильевича Набилкова была открыта книжная лавка Алянско-го и <Василия> Васильева. В первом этаже дома Набилкова жили родители Самуила Мироновича. Полкомнаты с окном и дверью они выделили ново-явленным книгопродавцам» (*Белов С.В. Мастер книги... С.13*).

2. Алянский – Андрею Белому
12 сентября 1918. Петроград

Петербург,
12 сентября 1918 г.

Глубокоуважаемый Борис Николаевич!

Извините за долгое молчание. Хотелось мне ликвидировать осложнение, создавшееся с Вашей книгой «Кризис жизни» без Вашего ведома, но вопрос затягивается. Дело в том, что типография, в которой было уже приступлено к печатанию первого листа Вашей книги, внезапно была национализирована и опечатана, а работа прекращена.

Сначала думалось, что через пару дней типография начнет работать; оказалось же, что закрыта надолго.

Пожелав перевести «Кризис жизни» в другую типографию, я наткнулся на массу препятствий, преодолеть котор<ые> удастся через

неделю, не раньше (нужно получить из запечат<анной> типогра<афии> Вашу рукопись и бумагу).

Оказавшись в описанном положении, решил, не теряя времени, отдать в набор, уже в другую типографию, вторую Вашу книгу «Кризис мысли», которая и появится, вероятно, раньше «Кризиса жизни»¹.

Сообщая Вам о досадной задержке, извиняюсь, что не спросил Вашего разрешения и приступил к набору другой Вашей книги. Теперь спохватился и очень прошу Вас, Борис Николаевич, уведомить меня, не имеете ли Вы чего против такого моего самовольного поступка (набор «Кризиса мысли» можно еще приостановить). И если Вы находите необходимым выпускать книги в порядке, Вами указанном, придется «Кризис мысли» приостановить до выхода «Кризиса жизни», что очень задержит и дальнейшее.

Крепко жму Вашу руку и жду Ваших сообщений.

Уважающий Вас и искренно преданный

С.Алянский

¹ Ср. запись РД за июнь 1918: «Трудный, переломный месяц; работаю над составлением текста “Кризиса Жизни”. Читаю соответствующую литературу <...>. Начинаю 2-ой кризис “Кризис Мысли” (т. е. перерабатываю имеющий<ся> материал для отдельной книжки)»; а также запись за июль 1918: «вполне подготавливаю к печати 2 кризиса». Третьей книгой, выпущенной «Алконостом» (вторая книга издательства – «Младенчество» Вяч. Иванова), оказалось эссе «На перевале. I. Кризис жизни» (16-я гос. типография. 1918. 3 тыс. экз. Цена 7 руб.), вышедшее в сентябре 1918. «На перевале. II. Кризис мысли» (Военная типография. 1918. 2 тыс. экз. Цена 8 руб.) – шестая по счету книга издательства (январь 1919).

3. Андрей Белый – Алянскому
Середина сентября 1918. Москва

Глубокоуважаемый Самуил Миронович, разумеется, печатайте сперва II-ой выпуск: но, все-таки, пусть стоит, что это II-ой выпуск; очень жаль, что выпуски задержались; у меня уже готов III-ий¹, но я не знаю, кому его передать: адрес Георгия Федоровича Кнорре мной, увы, затерян.

Желаю Вам всяческого успеха: если дойдет до Вас это письмо, то очень, очень, очень прошу Вас сделать мне одно одолжение: если представится случай передать Блоку или Р.В.Иванову мои слова к ним, то передайте; вот они: я страшно нуждаюсь в деньгах, между тем: за «Котика Летаева» и прочее мне полагается, как писал Блок,

1200, за «Наш Путь» (II-ой №) 700 с чем-то²; итого 1900 рублей я могу получить за вещи, напечатанные уже ряд месяцев тому назад; ввиду крайне остро переживаемой нужды в деньгах теперь именно, я убедительно прошу доставить мне хотя бы часть гонорара каким бы то ни было способом (с первой оказией: может быть, если поедете Вы, то захватили бы с собой). Сюннерберг³ должен был мне привезти часть их еще 3 недели назад; его – нет; Р.В.Иванов должен был привезти 1200; его – тоже нет; между тем в расчете на них я построил свою жизнь (сделал *необходимые* покупки: теперь сижу без денег)⁴. Я все это пишу Блоку и Иванову; но, увы, дойдут ли письма.

И вот пишу Вам тоже.

Если будет Вам случай снестись с ними, то *очень, очень* прошу Вас: напомните обоим, что я надеюсь на гонорар.

Остаюсь искренне преданный и готовый к услугам

Борис Бугаев

Адрес: Москва, Кудринская > Садовая, д. 6, кв. 2.

Ответ на письмо 2.

¹ Имеется в виду книга «На перевале. III. Кризис культуры», изданная «Алконостом» в 1920. См. запись РД за сентябрь 1918: «Быстро дописываю „Кризис Культуры“».

² 5 сентября 1918 А.Блок писал Белому: «Теперь – о Твоих делах <...> в начале той недели в Москве будет К.А.Сюннерберг, который привезет Тебе довольно подробное письмо от Р<азумника> В<асильевича> Иванова» и 707 р. 62 коп. за II № «Наш<его> Пути». Кроме того, сам Р<азумник> В<асильевич> сейчас будет делать небольшую операцию (резать лоб) и, когда поправится (недели через 1½), придет в Москву и привезет (*почти* наверное) Твои 1200 рублей за «Скифов» (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. С.517). Роман Белого «Котик Летаев» был напечатан в двух выпусках альманаха «Скифы» (<Пг.>, 1917. Сб.1. С.9-94 и 1918. Сб.2. С.37-103). «Дневник чудака. Писатель и читатель (Отрывок из повести)», статья «На перевале. I. Весенние мысли. II. Революция и сознание современности» и поэма «Христос воскрес» появились в 1918 во втором (майском) номере журнала «Наш путь», органа партии левых эсеров.

³ Константин Александрович Сюннерберг (псевдоним Конст. Эрберг; 1871–1942) – теоретик искусства, критик, поэт. Подробнее см.: Эрберг Конст. (Сюннерберг К.А.). Воспоминания / Публ. С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С.99-115; Белоус В.Г. Конст. Эрберг: философ-«иннормист». К портретам «вольфилицев» // Вопросы философии. 1994. №5. С.101-105. Две книги Эрберга вышли в издательстве «Алконост»: «Плен. Стихотворения» (1918) и «Цель творчества» (1919; 2-е изд., сокращ.).

⁴ 23 сентября 1918 Белый писал Иванову-Разумнику: «Я страшно нуждаюсь; мне надо сейчас платить до 300 портному, до 200 за квартиру, а у меня в кармане лишь 300 рублей: гонорар за «Котика» и за «Наш путь» выручил бы меня необычайно; <...> я сейчас нахожусь в очень бедственном положении; минимум прожития в месяц 600–700 рублей, а теперь, ввиду наступления зимы, надо экстр 700 на закупку того, что изнашивалось. Вот этих-то денег и нет у меня» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.165).

30 сентября 1918 Иванов-Разумник писал Белому: «Огорчился я крайне Вашим письмом – тем более что и моя вина есть в несвоевременном получении Вами журнального гонорара. Я передал его Эрбергу, который должен был поехать в Москву 3-го сент<ября>, – и с того времени каждый день откладывал свой отъезд на завтра. Я тоже должен был тогда же попасть в Москву, но подвергся пустячной операции, которая, однако, так осложнилась, что я три недели ходил (т. е. сидел дома) обвитый пеленами, как египетская мумия <...> сегодня снимаю последнюю повязку со лба. А потому – на днях же повидаюсь с Вами в Москве» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.166-167). Гонорар за свои произведения, напечатанные в «Нашем пути» и «Скифах», Белый получил только в конце ноября (см. письмо 5). Поездка Иванова-Разумника в Москву не состоялась.

4. Андрей Белый – Алянскому <Конец сентября – октябрь 1918. Москва>

Глубокоуважаемый Самуил Миронович,

Я уже писал Вам о том, что мне все равно, выйдет ли II-ой или I-ый выпуск: повторяю это (боюсь, письма не дойдут).

На этот раз я обращаюсь к Вам с просьбой.

Я получил известие от жены: она страшно нуждается; есть теперь возможность переслать за границу деньги, а денег – нет (только что отдал 200 р. и предстоит 200 р. отдать)¹. Ну так вот: я обращаюсь к Вам с просьбой: если у Вас есть возможность мне выслать в счет гонорара за II-ой выпуск от 300 до 500 рублей, то выручите меня; я прекрасно понимаю, что издание на кооперативных началах хорошо: но суровая действительность (нужда жены, боязнь за нее) заставляет обращаться от «журавля в небе» к «синице»; этой «синицею в руки» были бы мне 300–800 рублей; я бы их тотчас же выслал, а то: впереди ждут тысячи (неизвестно когда; 7 месяцев ждал от Р.В.Иванова гонорара за «Котика» и т. д.), а сейчас, в острый момент ощущаю *необходимость до зарезу* в 500 рублях, а их-то достать *сейчас же* так трудно.

Остаюсь глубоко уважающий и готовый к услугам

Борис Бугаев

Почтовый штампель – неразборчив. Адрес: «Гражданину Самуилу Мироновичу Алянскому. Колокольная, 1. Книжный магазин Васильева. <Петроград>».

¹ Первая жена Белого Анна (Ася) Алексеевна Тургенева (1890–1966) – художница. Жила в то время (и до конца своей жизни) в швейцарском городке Дорнах под Базелем, центре антропософского движения. Ср. письмо Белого Иванову-Разумнику от 26 сентября 1918: «Обращаюсь к Вам прямо-таки с криком душевной растерянности: сейчас получил письмо, извещающее меня об Асе. Она страшно нуждается; и через третье лицо просит усиленно, чтобы я ей помог; <...> теперь: я должен на днях заплатить около 200 рублей портному и около 200 рублей за пищу и помещение; денег вовсе нет; <...> прошу не для себя, а для Аси <...> между тем: менее 700 р. не имеет смысла посылать Асе» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.166). См. также письмо Белого к А.А.Тургеневой от 11 ноября 1921: «Какой болью мне отдалась Твоя просьба, пересланная какому-то молодому человеку, который писал Тебе от меня осенью 1918 года из Берлина; он передал в открытке, Бог знает как дошедшей, Твою просьбу, чтобы я Тебе немного присылал денег. Ася, сердце у меня сжалось, ибо это же было *абсолютно технически невозможно*; так же невозможно, как попасть на Луну» (Воздушные пути. Альманах (Нью-Йорк). 1967. Вып.5. С.303).

5. Алянский – Андрею Белому
16 ноября 1918. Петроград

Петербург
16 ноября 1918 г.

Глубокоуважаемый Борис Николаевич!

Пользуясь счастливым случаем приезда в Петербург Марка Давыдовича Айхенгольца¹, спешу переслать Вам имеющиеся у меня уже несколько дней 500 руб<лей>, которые зачтите за что хотите.

До сих пор еще не удалось продать Комисс<ариату> Нар<одного> Просв<ещения> 1500 экз<эмпляров> «Кризиса жизни», и, как только удастся, немедленно вышлю Вам еще денег.

Относительно субсидии от Комиссариата Нар<одного> Просв<ещения> могу сообщить, что договор уже подписан, но денег еще не дали, т. к. они должны пройти через целую серию контролеров, ассигновок и прочих задержек. Обещают на будущей неделе.

Без всяких напоминаний знаю, что Вам нужны деньги, и как только возможность будет, немедленно перешлю.

Разумнику Васильевичу о Вас говорил. Он обещал, когда поеду, дать мне письмо, по которому Вы в Москве сможете получить деньги. Задержка вышла потому, что в Москве платят чеками, а по чекам этим денег не получить, и, чтобы не затруднять Вас чеками, Ра-

з<умник> Вас<ильевич> решил взять от изд<ательства> «Книга» письмо, по которому в Москве должны уплатить деньгами.

«Христос Воскрес» сдал в печать², «Кризис мысли» верстается, а дальнейшее возьму, когда приеду, а приехать думаю на будущей неделе.

Крепко жму Вашу руку.

Искренне уважающий Вас

С.Алянский

Ответ на письмо 4.

Письмо написано на бланке издательства «Алконост»: «Склад изданий: Колокольная ул., д. №1. Книжная лавка. Тел. 2-24-08».

¹ Марк Давыдович Эйхенгольц (1890–1953) – литературовед, секретарь Театрального отдела Наркомпроса (1918–1921).

² Поэма Белого «Христос воскрес», написанная в апреле 1918 («Перед Пасхой пишу поэму “Христос Воскрес”». Впечатление от “Двенадцати” Блока». – РД, апрель 1918), была впервые опубликована в газете «Знамя Труда» (1918. №199, 12 мая) и перепечатана в журнале «Наш путь» (1918. №2, май. С.101-118). «Алконост» выпустил ее отдельным изданием в начале апреля 1918 (Тип. А.Лаврова и К°. 1918. 3 тыс. экз. Цена 8 руб.).

6. Алянский – Андрею Белому
19 ноября 1918. Петроград

Петербург
19 ноября 1918 г.

Глубокоуважаемый Борис Николаевич!

Наконец могу обрадовать Вас. Разумник Васильевич просил меня передать Вам 1213 р. 65 к. – Ваш гонорар за «Скифы».

Т. к. мой приезд в Москву может быть отложен, пользуюсь тем, что в Москву командировается А.И.Смирнов, с которым и посылаю указанную сумму, чтобы не задерживать у себя денег.

Что же касается денег за «Кризисы», могу сообщить что от Комиссариата денег еще не получил, а потому и выслать не могу.

Крепко жму руку.

Искренне преданный Вам

С.Алянский

P.S. При сем одна тысяча двести тринадцать руб. 65 к. (1.213 р. 65 к.)

С.Алянский

На бланке издательства «Алконост».

7. Алянский – Андрею Белому
15 декабря 1918. Петроград

Петербург
15 декабря 1918 г.

Глубокоуважаемый Борис Николаевич!

На ряд Ваших вопросов относительно обеспечения Вас регулярной платой, думаю, что могу наконец дать Вам утвердительный ответ. Материальная сторона у «Алконоста» складывается, по всем данным, благополучно, а потому думаю, что сможем при ближайшем свидании установить сроки и цифру, если это будет необходимо. В частности же ближайшей уплатой Вам будет по моем приезде в Москву, т. е. через недели 1½ – 2.

Кроме того, хотел бы напомнить Вам о Вашей же мысли: создание небольшого журнальчика, который явился бы как бы дневником писателей¹. При одном из наших свиданий Вы довольно подробно развили Вашу мысль, и теперь настал момент, когда хотелось бы видеть ее воплощенной в действительность. Так как материал имеется, остается дохнуть живым духом, и мысль обратится в живое существо. Полагаю, что дохнуть на это лучше всего Вам, а дальнейшее явится само собою. Если Вам почему-либо трудно редактировать такой журнальчик, я буду об этом просить Александра Александровича Блока. С Вашей же стороны, кроме того материала, который Вам хотелось бы дать в такой журнальчик, «Алконосту» с своей стороны хотелось бы иметь Вашу вступительную статью руководящего, программного содержания; поставить журнальчик на рельсы и указать ему путь². С своей же стороны, смею уверить, что «Алконост» отнесется к этому делу со всею любовью и бережностью, которыми он располагает.

Очень просил бы Вас, Борис Николаевич, ответить мне на это письмо по возможности скорей.

Жму крепко Вашу руку и желаю всякого благополучия.

Преданный Вам

С.Алянский

P.S. Хотелось бы материал для журнальчика получить в самый короткий срок, дабы я мог сдать его в набор до моего отъезда в Москву. Если не трудно, созвонитесь с Георгием Федоровичем (его телефон 5-88-17).

Предложите название для журнальчика.

С.Алянский

Письмо это посылаю с Разумником Васильевичем, который любезно согласился передать Вам прилагаемые 500 рублей³.

На бланке издательства «Алконост».

¹ Журнал-альманах «Записки мечтателей», организованный по инициативе и при ближайшем участии Белого, выходил в свет в Петрограде в издательстве «Алконост» в 1919–1922 (№1-6). Замысел издания, определившийся в августе 1918 (см.: Лит. наследство. Т.92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1982. Кн.3. С.480), по-видимому, обсуждался Белым и Алянским во время пребывания последнего в Москве в начале декабря 1918.

² Первый номер «Записок мечтателей», вышедший в свет весной 1919, открывался программной статьей Белого «Записки мечтателей» (с.5-8). Ср. письмо Г.Ф.Кнорре Белому от 9 января 1919:

Многоуважаемый Борис Николаевич,

Вчера по телефону из Петрограда Самуил Миронович Алянский просил меня узнать, написаны ли Вами вступительная статья и стих<отворе>ния, которые Вы обещали дать в первый номер журнала. Он ждет их с большим нетерпением, т. к. думает выпустить журнал в самое ближайшее время. Не имея возможности сейчас лично зайти к Вам, я очень прошу Вас передать рукописи (если они готовы) жене моей, Елене Андреевне, кот<орая> зайдет к Вам с этой запиской. Если бы она Вас не застала, я очень просил бы Вас найти случай оповестить меня или мою жену о положении дела по телефону: 5-88-17.

Пользуясь случаем, поздравляю Вас с Рождеством Христовым и Новым Годом, от души желая, чтобы он доставил Вам, наконец, возможность спокойной и плодотворной работы в обстановке, свойственной Вашему громадному творчеству.

Искренне преданный и уважающий Вас

Георгий Кнорре

9/1.1919 г.

(РГБ. Ф.25. Карт.17. Ед.хр.14.)

Стихи Белого были напечатаны только в 5-м номере журнала.

³ Приписка на полях. Иванов-Разумник приехал в Москву 18 декабря 1918 и сразу отправил письмо Белому.

8. Андрей Белый – Алянскому
<Конец января 1919. Петроград>

Дорогой Самуил Миронович,

Оставляю Вам рукопись «Тунисии» (10 отрывков для одного или 2-х выпусков (по 5-ти отрывков))¹.

Итак, всего лучшего.

Остаюсь искренне преданный

Борис Бугаев

Р.С. Мне необходимо быть на одном совещании².

¹ С декабря 1910 по апрель 1911 Белый совершил большое путешествие по Италии, Северной Африке и Палестине. Он опубликовал ряд фельетонов под общим заглавием «Путевые заметки» в газете «Речь» в 1911. Белый переработал свои очерки в отдельную книгу для издательства «Мусагет», но вследствие разногласия с редакцией книга не вышла. В перечне сочинений Белого, напечатанном на нумерованных страницах в «Кризисе мысли», вышедшем в январе 1919, значится: «“Путевые заметки”. Дневник путешествия. 1. Сицилия (готовится). 2. Тунисия (печатается). 3. Радес (готовится). 4. Мусульманство и культура Тунисии (печатается). 5. Египет (готовится)». Эта книга также числится в каталоге «Алконоста», вышедшем в свет вместе с «Кризисом мысли». Позже Белый продал «Путевые заметки» «Книгоиздательству писателей в Москве» (см. письмо 15, примеч. 4).

² В конце января – начале февраля 1919 Белый провел несколько дней в Петрограде и Детском Селе по приглашению Иванова-Разумника для организационных заседаний Вольной Философской Академии. 26 января в Детском Селе на квартире Иванова-Разумника, у которого Белый жил в гостях, произошло общее собрание учредителей Вольной Философской ассоциации (Вольфила). Среди них были Белый, Иванов-Разумник, А.Блок, Конст. Эрберг, В.Э.Мейерхольд, К.С.Петров-Водкин, Н.Н.Пунин, А.З.Штейнберг, и Б.А.Кушнер. См. также примеч. 1 к письму 11.

9. Андрей Белый – Алянскому
<17 февраля 1919. Москва>

Глубокоуважаемый и дорогой Самуил Миронович,

У меня к Вам очень большая просьба: когда будете в Москве, захватите с собой не только корректуры «Записок Чудака», но и рукопись¹; мне она очень нужна для дальнейшего писания. Очень, очень прошу: захватите рукопись.

Как журнал? Продолжаю им «увлекаться», вижу все больше и больше, что он нужен; все другое – «марево»; нужна литература художественная; именно теперь, сейчас. А «культурные» строительства – фикции: сон, никому не нужный. Написал для 2-го № журнала статью².

Желаю Вам всяческого успеха. Надеюсь, до скорого свидания.

Б.Бугаев

Р.С. Готовлю продолжение «Чудака».

Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 17.2.<19>19. Адрес Белого на конверте: Москва. Кудринская Садовая, д. 6, кв. 2.

¹ Ср. записи в РД: февраль 1918 – «Делаю черновые наброски “Записок чудака”»; март – «Много пишу “Записки Чудака”»; апрель – «Пишу “Записки чудака”»; октябрь – «Усиленно сызнова перерабатываю и пишу “Записки чудака”»; ноябрь – «Пишу “Записки чудака”»; нет возможности даже в схеме

отметить напряженность работы за этот месяц». Начало «Записок чудака» было напечатано в первом номере «Записок мечтателей»: «Я. Эпопея. Том первый. Записки чудака. Часть первая. Возвращение на родину» (с.9-71).

² Подразумевается очерк Белого «Дневник писателя. Почему я не могу культурно работать», опубликованный в «Записках мечтателей» (1921. №2/3. С.113-131). О высылке рукописи статьи Белый писал Алянскому 28 февраля (письмо 14). Ср. письмо Иванова-Разумника Белому от 4 марта 1919: «Знаю о Ваших настроениях: "почему Вы не можете "культурно" работать" – знаю и во многом разделяю» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.173).

10. Алянский – Андрею Белому
19 февраля 1919. Петроград

Петербург,
19 февраля 1919 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Борис Николаевич!

Сегодня получил Ваше письмо. Вы очень обрадовали меня тем, что не остыли к журналу¹. Лично для меня это единственная цель, и я забросил все и гоню по мере сил журнал. Посылаю Вам начало корректуры «Чудака» с ремингтонированной рукописью, которую получил от Кожебаткина² (6-ти недостававших страниц от него еще не получил). Оригинал рукописи (начала) находится, таким образом, у Кожебаткина, дальнейшую же рукопись Вам обязательно привезу с просьбой по миновении надобности в ней вернуть мне.

Для дальнейших №№ журнала хотелось, чтобы «Записки Чудака» можно было делить на порции приблизительно в 3 листа. Это значительно облегчит и ускорит выход каждого последующего №. Я полагаю, что для этой цели журнал придется выпускать листов по шесть (6) в номере, причем не меньше половины материала всего журнала должна занимать следующая часть «Записок чудака». Статьи же Ваши обязательно нужны. Это вполне естественно, что Вы будете доминировать в журнале, ибо другие сотрудники еще не заразились Вашим желанием писать. Надеюсь, что после 1, 2-го номеров и другие раскачаются, впрочем, если и не раскачаются, пусть на себя пеняют. Вам же я, Борис Николаевич, бесконечно благодарен. Вы открываете новую страницу в литературе, и я всеми силами буду помогать Вам эту страницу разворачивать.

Думаю приехать в Москву очень скоро, тогда заберу корректуру³. Пока же крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам

С.Алянский

Ответ на письмо 9. На бланке издательства «Алконост».

¹ В этот же день Алянский также отправил А.Блоку письмо, затрагивающее вопросы программного самоопределения будущих «Записок мечтателей». Фрагменты из него опубликованы в кн.: *Белов С.В.* Мастер книги... С.43-44.

² Александр Мелентьевич Кожебаткин (1884–1942) – секретарь редакции издательства «Мусагет», владелец издательства «Альциона».

³ См. запись Белого о марте 1919 в РД: «Появление Алянского; ряд бесед организационных» о журнале «Записки Мечтателей».

11. Андрей Белый – Алянскому
<19 февраля 1919. Москва>

Глубокоуважаемый и дорогой Самуил Миронович,
Я уже раз написал Вам, но пишу еще раз, не уверенный в том, что письмо дойдет; мне необходимо иметь рукопись «Чудака» для целей архитектурных; очень трудно писать дальше, не имея под рукой написанного; поэтому, – моя просьба к Вам: когда поедете в Москву, то с корректурой «Чудака» захватите и рукопись; мне это важно как при правке корректуры, ибо я не могу править без рукописи, так и для возможности быстро писать дальше.

Жду Вас. Как обстоит с печатанием? Я, должно быть, откажусь от «председательства» в Вольном Философском Обществе. В Москве – работает: не такие теперь времена, чтобы последние силы отдавать на общественную деятельность. Надо сосредоточиться; и – работать внутренне.

Остаюсь искренне преданный

Б.Бугаев

Р.С. Будьте такой любезный, прихватите с собой узелок мой. Там – необходимые мне вещи; я в Петроград, вероятно, не приеду.

Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 19.2.<19>19.

¹ Ср. письмо Иванова-Разумника Белому от 16 января 1919: «...вместо “Скифа” – С.К.И.Ф., то есть: Социально-Культурный Факультет Искусств, открываемый на днях Вольно-Философской Академией, председателем которой избраны Вы», а 4 марта: «...не торопитесь принимать решение относительно “Вольфила”. Ибо Вольно-Философская Академия – именно и не есть “культурная” работа» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.169, 173).

Замысел будущей Вольной Философской ассоциации (Вольфила) возник весной 1918, в сентябре 1918 обсуждение проекта новой организации возобновилось; см.: *Блок А.* Записные книжки 1901–1920. М., 1965.

С.429 (запись от 30 сентября 1918). Видимо, во время пребывания в Москве в конце декабря 1918 Иванову-Разумнику удалось договориться об участии Белого в работе будущей Вольфилы. Предполагаемое открытие Вольфилы в конце января 1919 (см. письмо 8, примеч. 2) было отложено вследствие препон со стороны официальных инстанций. Первое заседание состоялось только 16 ноября 1919; на нем выступил А.Блок с докладом «Крушение гуманизма». Белый принимал активнейшее участие во всех делах этой общественной организации, просуществовавшей до 1924. Она была учреждена «с целью исследования и разработки в духе философии и социализма вопросов культурного творчества» (Устав Вольной Фило-софской ассоциации. – ИРЛИ. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.12. Л.3). См. также: *Заблоцкая А.Е.* Конст. Эрберг в научно-теоретической секции ТЕО Нар-компроса (1918–1919) // *Минувшее: Исторический альманах*. Вып.20. М.; СПб., 1996. С.395–397.

12. Андрей Белый – Алянскому
<23 или 24 февраля 1919. Москва>

24 февраля <19>19 года¹

Глубокоуважаемый и дорогой Самуил Миронович,

Выяснилось для меня окончательно: я не поеду в Петроград, потому: для работы над *«Записками Чудака»* мне необходимо иметь рукопись, или копию с нее; ужасно трудно работать, не имея частей, написанных много месяцев назад, которых едва помнишь; все это ложится в дальнейшем, как трудность архитектоники; я Вам для 2<-го> № *«Записок мечтателей»* приготовил порцию: но первая часть растянулась; окончание ее не поместится².

Кстати: как *«Записки»*? Выйдут ли? Если нет, сообщите письмом. На днях узнал о судьбе Ал<ексея> Мих<айловича> Ремизова и Раз<умника> Вас<ильевича>³. Страшно взволнован: сегодня иду к Евг<ению> Герм<ановичу> узнавать⁴.

Все культурные строительства – *«суета сует»* на фоне нынешнего времени; литература – наиболее реальное, нужное дело; 1 книга стоит 100 заседаний. Все более укрепляюсь в этой мысли.

Итак: жду 1) или письма от Вас, или 2) Вас самих: жду очень рукописи *«Записок»*. Если Вам трудно привезти рукопись, то – захватите 2 гранки корректур; одну для правки; другую для автора; без рукописи не могу дальше писать.

Это письмо по счету третье: получили ли Вы 2 предыдущих?

Жду экземпляров 1) *«Христос Воскресе»*, 2) *«Кризиса Мысли»*. Если можно, 3 экземпляра *«Кризиса Жизни»* (я – куплю их). Как обстоит дело с остальными рукописями? Я, кажется, перегрузил Вас

ими. Если можно, если не сейчас издаете «Глоссолалию», захватите ее с собой⁵. Привет Блоку.

Остаюсь искренне преданный и готовый к услугам

Б.Бугаев

¹ В автографе описка в дате: «17 года». Вероятно, авторская датировка письма не точна, поскольку на почтовом штемпеле конверта от письма обозначено: Москва. 23.2.<19>19.

² Продолжение «Записок чудака» было опубликовано в «Записках мечтателей» (1921. №2/3. С.7-95) под названием «Я. Эпопея». В конце текста обозначено: «Продолжение в следующем номере». Однако печатание «Записок чудака» на страницах журнала-альманаха не было окончено. Книга вышла в свет отдельным изданием в двух томах в 1922 в берлинском издательстве «Геликон».

³ 13 февраля 1919 Иванов-Разумник был арестован в Детском Селе и доставлен «на Гороховую, 2 в здание бывшего градоначальства, в знаменитый центр большевистской охраны и одновременно с этим – пропускную регистрационную тюрьму для всех арестованных» (Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000. С.124). 14 и 15 февраля по делу Иванова-Разумника (не существовавший заговор левых эсеров) были арестованы и отвезены на Гороховую А.М.Ремизов, А.Блок, К.С.Петров-Водкин, М.К.Лемке, С.А.Венгеров, А.З.Штейнберг, Е.И.Замятин, Конст. Эрберг и другие (см.: Там же. С.128). Все они были скоро освобождены, а Иванов-Разумник был отправлен под конвоем в Москву и находился там в заключении до конца февраля (Там же. С.123-158).

Белый читал об арестах в меньшевистской газете «Всегда вперед!»: «Нам сообщают, что в связи с так называемым заговором левых эсеров в Петрограде арестованы писатели: Иванов-Разумник, Ремизов и Сологуб» (Аресты писателей // Всегда вперед! 1921. №12, 21 февраля). Сологуб избежал ареста.

⁴ Евгений Германович Лундберг (1887–1965) – прозаик, критик. В 1910-е разделял левонароднические убеждения, сотрудничал в столичной газете «День», был заместителем редактора литературного отдела газеты «Знамя труда». Весной 1918 он, вслед за правительством, переехал в Москву, служил в Наркомпросе. Летом 1920 переехал в Берлин, где работал одним из руководителей издательства «Скифы». Подробнее о нем см.: Русская книга (Берлин). 1921. №1. С.25 (Отдел IV: Писатели. Судьба и работа русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1920 гг.). 12 марта 1919 Белый писал Иванову-Разумнику: «Вашу открытку, по которой не ясно понял, в чем дело, получил в день, когда в газете “Всегда вперед” прочел о Вашем аресте <...> тотчас бросился к Лундбергу, его – не застал» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.174).

⁵ Ср. записи в РД за 1917: август – «весь месяц в огромной работе собирания лингвистического материала; <...> именно в этот месяц устанавливается мой взгляд на “глоссолалию”; у меня скапливается огромный материал

примеров, выписок и ряд исписанных страниц, часть которых лишь вылилась в "Глоссоластию"; октябрь – «в <Царском Селе> пишу текст "Глоссоластию", используя <так!> имеющийся у меня материал». Белый собирался опубликовать ее в сборнике «Скифы», а поскольку третий сборник «Скифов» так и не вышел, «поэма о звуке» «Глоссоластия» оставалась в течение ряда лет неизданной. Она была выпущена в свет в Берлине в 1922 отдельным изданием в издательстве «Эпоха».

13. Алянский – Андрею Белому
24 февраля 1919. Петроград

Петербург
24 февраля 1919 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Борис Николаевич!

Псылаю Вам при сем конец той части «Записок Чудака», которую получил от Кожебаткина. Между этим концом и началом рукописи, которую получил от Вас, есть промежуток несколько страниц, которых недополучил от Кожебаткина. Если не трудно, соедините как-нибудь, если нельзя добыть рукописи от Кожебаткина.

Здесь же посылаю корректуру Вашей статьи «Дневник писателя», которую очень прошу выверить по возможности внимательней и быстрее, т. к. с этой статьи начнется журнал¹; необходимо отпечатать его в первую голову, иначе не хватит шрифта. Я прочел бы первую корректуру сам, но рукопись Ваша настолько неразборчива, что не решаюсь, а без рукописи не все ясно. Как только прочтете, передайте ее Георгию Федор<овичу>, который быстро мне перешлет. Приезд в Москву мой задерживается, но я буду ни в коем случае не позже будущей недели.

Не помню, писал ли я Вам, что следующие части «Дневника Чудака» должны быть короче (каждый отрывок приблизительно в три (3) листа), иначе следующие номера журнала будут так же задерживаться, как задерживается первый; очень трудно сейчас большую книгу печатать. Лучше выпускать номера чаще, но меньше по объему, чем наоборот.

До скорого свидания. Крепко жму руку.

С.Алянский

P.S. Ваш пакет обязательно привезу.

С.Алянский

На бланке издательства «Алконост».

¹ Первый номер «Записок мечтателей» начинался не «Дневником писателя» Белого, а его же программной статьей «Записки мечтателей». «Днев-

ник писателя» (с датировкой: 9 января 1919 года, Москва) был опубликован там же (с. 119-132).

14. Андрей Белый – Алянскому
28 февраля 1919. Москва

Москва
28 февраля

Дорогой Самуил Миронович,

высылаю Вам 1) корректуру, 2) статью для 2<-го> № «Журнала», 3) следующую порцию «Чудака» (3 с лишним печатных листа).

Что касается до корректуры, то – я не вполне точно помню, сколько еще у Вас осталось от порции, которую Вы получили от Кожебаткина; Кожебаткина не могу поймать; постараюсь выцарапать у него рукопись; не дописываю дальше, ибо для заполнения 5 недостающих листов надо точно знать, чего именно не хватает, т. е. нужны *гранки*, на которых обрывается порция Кожебаткина и гранки со следующей порцией; жду их.

Что касается до присланной Вами порции, то – я мало исправлял; обращаю Ваше внимание на некоторые опечатки, которых в последней корректуре было бы желательно избежать: 1) очень часто вместо «-» (тире) наборщики ставят «-» (черточку); от чего меняется архитектура фразы; очень часто наборщики меняют окончания слов: вместо «казалось» набирают «казалося» (и обратно), мною = мной, посредине = посередине и т. д. Между тем: я ставлю то «казалось», то – «казалося», в зависимости от *ритма*; один «ерик» или «я» разрушает целый ритмический период; в одном случае ставлю «посередине», в другом «посредине»... Самые ужасные опечатки для меня те, где сознательно для ритма поставленное казало«ся» превращается наборщиком в казало«сь» (ему невдомек, что его «ерик» проваливает меня как автора, создавая ритмический «кухав»; например: в строе фразы «-UU-U-UU-U-U» ритм гладок, а в строе «-UU-__UU» уже есть ухаб, и от «ь» и «я» наборщика зависит сломать фразу мою.

Поэтому главные опечатки, мной исправленные, – не «опечатки», а абстрактное отношение наборщика, который видит слово «мною» («ю» для ритма), а набирает «мной» (ритм – разрушен). Эти мои исправления, дорогой Самуил Миронович, я и прошу Вас в чистовой корректуре проверить, а то наборщик (особенно «сознательный» наборщик) способен просто презреть мою правку. (Не все ли равно, «ь» и «я» в слове «казалось»?) Я уже года борюсь с этой психологией «сознательного» наборщика, вмешивающегося в «ритм» моих произведений¹.

Если по условиям печати возможно предпослать это краткое предисловие к «Я», то очень прошу его напечатать².

Дорогой Самуил Миронович, очень спасибо за Ваше хорошее письмо; к Алконосту не только не остываю, а наоборот – разогреваюсь. Я вижу людей, которые рыщут днями, разыскивая то или иное произведение, ко мне пристают с просьбами дать единственный экземпляр той или иной моей книги «переписать»; мы возвращаемся к состоянию до «книгопечатания»; книги начинают переписывать чуть ли не от руки; «каждая книга» сейчас есть большее дело, чем даже учреждение «Университета»³; все эти «Университеты» – пустыни, унылые пустыни; книга же бьет в года... Книга и есть «Университет» современности.

Дорогой Самуил Миронович, непременно привезите с собой пакет, который я Вам оставил, там – величайшие «ценности»: мои единственные сносные ботинки (хожу – в дырявых); и – калоши (хожу в рваных); а – надвигается «потопная» весна...⁴

Жду Вас: крепко жму руку. Александру Александровичу сердечный привет.

Б.Бугаев

P.S. Если бы Вы мне привезли несколько «Кризисов Жизни»; и «Кризис Мысли»; у меня просят знакомые (например, Гершензон⁵); обижаются, а у меня нет. «Кризис Жизни» я бы купил у Вас.

Ответ на письма 10 и 13.

¹ Этого же вопроса Белый касается в недатированной записке к Алянскому:

Дорогой Самуил Миронович,

спешу: простите, что лапидарен. Кожебаткина не видел. Пропуск – восполнил. С корректурой – та же история: наборщик убивает меня, набирая «я» вместо «ь» (казалось = казался); и – обратно.

Привет: до скорого свидания.

Б.Бугаев

² Имеется в виду «Вместо предисловия», с датой: Москва. 1919 г. Февраль. Оно было опубликовано перед началом текста «Я. Эпопея» в первом номере «Записок мечтателей» (с.11-12).

³ В ноябре–декабре 1918 Белый принимал деятельное участие в разработке проекта «Театрального университета» при научно-теоретической секции ТЕО. Ср.: «Моя работа, как заведующего Теоретической Секцией «ТЕО» Наркомпроса. 388. Ноябрь. Доклад о плане Театрального Университета. <...> 392. Декабрь. Доклад о программе теоретических курсов

Университета "ТЕО". 393. Декабрь. Прения по моему докладу "Курсы Университета". 394. Новый доклад "О курсах Университета". 395. Декабрь. Экстренные прения по вопросу об Университете (с Мейерхольдом)» (Андрей Белый. Себе на память. Перечень прочитанных рефератов, публичных лекций, бесед (на заседаниях), оппонирований, председательствований и участия (активных) в заседаниях и т. д. с 1899 до 1932 года. – РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.96. Л.9).

⁴ Алянский, находясь в Москве в марте 1919, оставил следующую записку Белому:

Дорогой Борис Николаевич,

Приехал вчера ночью. Был у Вас. Оставил Ваши сапоги с калошами и книги. Если Вам не трудно, позвоните по телефону Геор<ия> Фед<оровича> № 5-88-17, когда я могу Вас застать дома.

Преданный Вам

С.Алянский

⁵ Михаил Осипович Гершензон (1869–1925) – историк русской литературы и общественной мысли, публицист. Был в дружеских отношениях с Белым с конца 1907; особенно они сблизились в конце 1916, после возвращения Белого в Россию из Швейцарии. Белый написал о нем статью-некролог «М.О.Гершензон» (Россия. 1925. №5(14). С.241-258); также посвятил ему главу в мемуарах: «Между двух революций» (М., 1990. С.249-264). См.: Переписка Андрея Белого и М.О.Гершензона / Вступ. ст., публ. и коммент. А.В.Лаврова и Дж. Малмстада // In memoriam: Исторический сборник памяти А.И.Добкина. СПб.; Париж: Феникс–Atheneum, 2000. С.231-276.

15. Андрей Белый – Алянскому *Начало марта 1919. Москва*

Дорогой и милый Самуил Миронович,

У меня к Вам громадная просьба, но только мне стыдно к Вам с ней обращаться; и все-таки обращаюсь в расчете на Вашу чуткость; итак: с места в карьер.

Я – опять увяз; Пролет-Культ, наборы лекций, публичные выступления создают атмосферу, невозможную для работы¹. Мне нужно получать в месяц минимум 3000, ибо рублей 900 я уделяю маме²: она без средств; мне остается при 3000 заработке 2100 рублей, которые уходят на пропитание. Службу бросить нельзя.

Мой заработок: Пролет-Культ в среднем дает 1400 жалованье + 400 лекционных + (в среднем) 1000 получал от «Алконоста». Итого составлялась цифра 3000 р. в месяц. Но курс, лекции, заседания сместили меня с работы (курс берет 3 дня в неделю, ибо читаю его, прорабатывая и добывая весь материал заново).

«*Pium desiderium*»³ – освободиться для работы над «Чудаком» и проработать месяца 3–4 только над ним; от этого «Алконост» будет в выигрыше; для этого надо: месяца 4 жить без службы, т. е. прожить 3000, не добывая 2/3 денег службой. Возможность – есть: «Московское К<нигоиздательст>во» согласно дать мне авансу 8000 р. хоть сейчас, если я ему отдам «Путевые заметки»⁴, что со скопленными мной 4000 р. дает сумму в 12000 р., т. е. 4 месяца свободы от службы; и – стало быть: работы для «Алконоста» (для «Записок мечтателей»). В среднем: в месяц я могу дать до 3-х печ<атных> листов; в 3 месяца 9 печ<атных> листов «Чудака» + 3 статьи для «Дневника», т. е. 12 новых печ<атных> листов взамен 15 старых («Путевые заметки») – старая работа. Кроме того: вместо замесок – могу дать 3–4 выпуска о «Слове» под общим девизом «Глоссолалия».

1. Глоссолалия.

1. Кризис слова.

2. Теории худож<ественного> слова
(материал есть: конспект моего
пролеткультовского курса).

3. Ритм.

4. Инструментовка.

5. Глоссолалия.

Итак: вместо 5 выпусков «Путевых Заметок» даю – 5 выпусков книги «Глоссолалия» (новой книги), а вместо «Кризиса слова», т. е. 4-ой части «На перевале», дам «Кризис Я», составленный из тем «Дневника»⁵. В сущности, я Вам предлагаю новую книгу вместо старой, а старая («Пут<евые> Заметки») выручает меня 8000-ным авансом; вне 4-х месяцев свободы от службы не сумею Вам обещать нормального продолжения «Чудака»; в сущности, – за 4 месяца, может быть, «Алконост» мне еще заплатит; и – набегит 5-ый, 6-ой месяц свободы от службы: полгода свободы! Да за это время я напишу 2-ую часть «Чудака».

Почти уверен, что эта комбинация, устраивая меня, устраивает и «Алконост».

А если так, 1) спешите ответом, 2) при приезде в Москву, захватите выпуск «Пут<евых> Заметок».

Если бы, паче чаяния, 1<-я> часть уже была в наборе, ну – нечего делать; озаглавьте ее «Тунисия»; и все-таки: привезите другую часть «Тунисии» и «Египет»⁶.

Милый, хороший Самуил Миронович, это не каприз, а – исход, а то – запутался я со службой.

Жду скорого ответа: от него зависит моя свобода. «Московское Книгоиздательство» торопит меня; и – ждет ответа, т. е. меня ждет 8000; и это – главное.

Остаюсь искренне преданный Вам

Борис Бугаев

Привет «Алконосту»!

Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 8 <?>. 3.<19>19.

¹ Ср. письмо Белого Иванову-Разумнику от 12 марта 1919: «Чувствую себя очень не важно; иссякает энергия жить и бороться за право писать; “Пролеткульт” все более и более засасывает. Читаю курс, за который так не хотелось приниматься (“Теор<ия> Худ<ожественного> Слова”); и радость от общения не заглушает чувства горечи от того, что “Записки Чудака” завязли ровно в тот момент, как я по долгу службы вынужден был неформально отнестись к курсу: он отнимает у меня 3 дня в неделю (надо готовиться к нему); 2 вечера заняты заседаниями; итого, среди 7 вечеров в неделю только 2 мои; а при этих условиях почти невозможно писать “Записки Чудака”» (Андрей Белый и Иванов Разумник. Переписка. С.174).

Ср. записи в РД: сентябрь 1918 – «К началу выздоровления являются ко мне Герасимов и Павлович и уговаривают идти работать в “Пролеткульт”; мои обязанности 1) Курс лекций, 2) Семинарий, 3) Читка присылаемых в Пролет-Культе рукописей и доклад о них (разбор формы), 4) Прием поэтов и разбор приносимых ими произведений»; октябрь – «С октября же – служба в Пролет-Культе, отнимающая все время: приемы, заседания, подготовка к лекциям, беседы со студийцами, воскресники, обязательное участие в которых необходимо, как необходим формальный разбор всего читаемого материала, общение с писателями»; февраль 1919 – «Охватывает тот же круг, или круги забот: “А<нтропософское> О<бщество>”, “Лито”, “Союз Пис<ателей>”, “Двор<ец> Искусств”, “Пролет-Культе”; март – «Тот же круг забот».

² Александра Дмитриевна Бугаева (урожд. Егорова; 1858–1922) – мать писателя. Ср. письмо Белого Иванову-Разумнику от 26 августа 1919: «Очень трудно живется: чтобы мама не голодала, мне надо зарабатывать тысяч до “семи-восьми”» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.178).

³ Благое пожелание (лат.)

⁴ Новую редакцию текста «Путевых заметок» Белый подготовил в апреле–июле 1919 для печатания в «Книгоиздательстве писателей в Москве». См.: Андрей Белый. Офейра. Путевые заметки. Ч.1. М., 1921 (вышла в 1922). Ср. записи в РД: апрель 1919 – «Усиленная работа на дому: переработка “Путевых заметок” с рядом соот<ветственных> чтений. <...> Все для “Пут<евых> Заметок”: исправляю всю Сицилию. И ничего Тунисии»; май – «Предъездные хлопоты; не помню, что делаю; вероятно, работаю над “Пут<евыми> Зам<етками>”. Карачев. <...> Усиленно пишу “Пут<евые> Заметки”. И кажется, кончаю с Тунисией»; июнь – «Те же занятия и чтения;

с юга приближаются деникинцы; едем в Москву. Москва. Те же занятия; кончаю 2-ой том «Пут^{евых} Заметок»»; август – «Пишу регистр к «Пут^{евым} Зам^{еткам}»».

⁵ В перечне сочинений Белого, напечатанном на нумерованных страницах в «Кризисе мысли», значатся: ««На перевале» 1. Кризис жизни. Кн<игоиздательст>во «Алконост». СПб. 1918 г. 2. Кризис мысли. 3. Кризис культуры (готовится). 4. Кризис слова (готовится)» (в таком же виде «На перевале» числится в каталоге «Алконоста», опубликованном в конце «Кризиса мысли») и ««Глоссолалия». Сборник статей, посвященных проблемам ритма и словесной инструментовки (готово к печати)». Ни «Кризиса слова» (см. письмо 20), ни «Глоссолалии» в виде сборника статей у Белого среди его опубликованных сочинений нет (о «поэме о звуке» «Глоссолалия» см. примеч. 5 к письму 12). Также нет и книги «Кризис “Я”».

⁶ См. письмо 8, примеч. 1.

16. Андрей Белый – Алянскому
<Середина марта 1919. Москва>

Дорогой и милый Самуил Миронович,

Я уже писал Вам подробно: это письмо – повторение на случай, если бы 1-ое затерялось. «Моск<овское> Книг<оиздательство> Писателей», покупая у меня «Путевые Заметки», дает мне сразу 8000 рублей, устраивающих меня (ибо вслед за 8000 они будут и еще выплачивать); «Записки Чудака» я могу кончить, т. е. написать конец «Возвр<ащения> на родину» и 2-ую часть «Великий взрыв». На все это нужно месяцев 4–5 спокойной жизни: итак: если Вы мне уступите «Пут^{евые} Заметки», я всецело начинаю работать для «Записок Мечтателей»; вне же этого освобождения я все запутываюсь в обязательствах, лекции, ибо мне нужно кроме себя содержать мою мать. Единоновременные 8000 р. + 4000, скопленные мною, дают мне свободу 5 месяцев продержаться и писать исключительно 1) «Дневник», 2) «Зап<иски> Чудака».

Вместо 5 выпусков «Пут^{евых} Заметок» я могу Вам предложить 5 выпусков книги «Глоссолалия».

Глоссолалия:

- 1) Кризис слова
- 2) Теории худ<ожественного> слова
(обработанный в выпуск конспект курса в «Пролет-Культе»)
- 3) Инструментовка
- 4) Ритм
- 5) Глоссолалия (у Вас имеется).

А вместо 4-го выпуска «Кризиса сознания» даю: «Новое сознание» (материал почти обработанный уже готов).

Милый Самуил Миронович, надеюсь, что Вы пойдете навстречу мне: в таком случае 1) тотчас ответьте, 2) привезите с собой 3 выпуска + рисунки, которые нужны «Книгоиздательству писателей».

Если, паче чаяния, Вы начали набор 1-го выпуска («Тунисия»), – то нечего делать: издайте ее; но остальные 2 выпуска (о «Тунисе» и о «Египте») привезите с собой в Москву.

Надеюсь, – мы поладим: ведь я же для «Записок Мечтателей» хлопочу о себе.

Повторяю: вне этой конъюнктуры мне трудно, очень трудно сосредоточиться.

Простите за подчерк <так!>: спешу безумно – надо бежать по делам.

Остаюсь искренне преданный

Борис Бугаев

Из-за неудачной архивной реставрации конверта прочесть московский почтовый штемпель не представляется возможным. Датируется предположительно, по содержанию.

17. Андрей Белый – Алянскому

7 мая 1919. Москва

Дорогой и милый Самуил Миронович,

мне очень грустно, что я Вас не застал; первый № «Журнала» – преинтересен; он приглашает к работе; не сомневаюсь, что он будет все интереснее и интереснее. Многое бы сказал Вам, но – часы в об-рез: предотъездная беготня, укладка: завтра еду. Между тем, многое надо сказать деловым образом.

1. *Корректур*: в гранках существенно перепутан текст; я разре-зал ножницами III гранку (где – путаница); и перенумеровал под-линный порядок: III а, b, c, d; в таком порядке печатайте¹.

2. *Даю Вам статью*: «Лев Толстой и йога» для «Дневника» №3; если сочтете, что статья слишком велика, разбейте пополам для 2-х №-ов (1, 2, 3 абзац для 3-го номера под заглавием «Лев Толстой и йога»; и № «2 <так!>, 5» для №4-го под заглавием <м> «Толстовство как всенародное дело»); хотя было бы жаль: скоро напишу статью².

3. Если бы Вы напечатали «Лев Толстой и йога» отдельной бро-шюрой, то – это меня бы порадовало, ибо за *круг мыслей* этой статьи стою: она – *дельная*: говорит о «хлебе насущном»; тогда статью, ко-торую пришло скоро для «Дневника» №3-го.

4. Еду стремительно писать «Чудака»; и скоро вышлю четвертую порцию; здесь писать невозможно: Москва уходила. Думаю основательно пожить в Карачеве и всецело отдаться работе³.

5. Очень хотелось бы, чтобы статья «Глоссология» вышла бы (в виде 4-го выпуска «Кризиса сознания»: «Кризис слова»⁴). Я ее считаю лучшей статьей, которую я написал во всю жизнь.

6. У меня есть статья о ритмич<еском> жесте, которую не могу обнаружить уже 2 года⁵; между тем она — до крайности нужна; Сакулин⁶, проф. Розанов⁷ и прочие «университетские» пристаю, говоря, что мои работы о ритме им нужны для студенческих семинариев. Напишите, если нужна, то я — пришлю.

6*. Самый важный вопрос: вопрос о наших сношениях: вот мой карачевский адрес (пока). Город Карачев (Орловской губернии). Малая Дворянская: д. Светославской. Вере Георгиевне Анненковой для А.Белого (Б.Н.Бугаева)⁸. Кроме этого адреса, так сказать, прямого сообщения, я оставляю своим «поверенным в делах» по личному сношению А.С.Петровского (моего ближайшего друга)⁹ с письмом к нему, где я прошу его, так сказать, заботиться обо мне.

Когда будете в Москве, непременно *тотчас же* повидайтесь с ним, ибо дней через «10» (она может и запоздать) едет в Карачев антропософка, которая отвезет *лично мне* все, что нужно (рукописи, корректуры и т. д.)¹⁰. А.С.Петровский ей передаст лично все от Вас (книги ли, рукописи ли). Адрес Алексея Сергеевича Петровского: можно застать каждый день в Румянцевском Музее от 11 до 3-х (кроме праздников). Музей — на Знаменке; идите *ходом с переулка* (через двор музея); спросите у служителя, он тотчас же Вас проведет к А<лексею> С<ергеевичу> (А<лексей> С<ергеевич> заведующий философским отделом и отделом истории религии). Просто спросите «Петровского». Или личный адрес Петровского: Моховая д. 3 кв. 10 (дома бывает вечером и после Музея; *по вторникам* от 7 часов до 9-ти он в О<бщест>ве¹¹). Рукописи я буду высылать ему или Г.Ф.Кнорре, дабы последний переправлял их Вам. Так, я думаю, у нас наладится нормальное сношение.

Теперь: →

→ Еду я в Карачев, чтобы работать своим делом, и есть мне полная возможность не служить, т. е. писать «Чудака» и всецело отдаться журналу: при условии, что «Моск<овское> К<нигоиздатель>-ство» будет мне платить жалованье и Вы, когда сможете, будете мне присылать в зависимости от Вашей возможности. И вот вопрос — во-

* Так в автографе.

прос материальный я думаю так разрешить. Когда Вы мне привезете денег или пришлете их для «москвичей» Г.Ф.Кнорре, то Г<еоргий> Ф<едорович> будет их передавать Петровскому, который по моим инструкциям будет мне пересылать их в Карачев, или же отдавать маме, или беречь до моего приезда (первый мой приезд будет через 1½–2 месяца) в Москву; у А.С.Петровского будет письмо от меня, в котором я прошу его вместо меня принимать деньги и даже, если возможно, давать расписки в получении их.

Пункт второй: Милый Самуил Миронович, «Моск<овское> Кни<го>издатель<ство> Писателей», меня выручающее до августа паем («Путевыми заметками» – авансом за них), намерено и впредь меня поддерживать; для этого: я должен вступить в число пайщиков, что я и сделаю; у них обычай: что авторы получают после аванса уже по напечатанию. Но они мне предлагают издать «Чудака» и согласны месяцев «7» субсидировать *вперед*, но для этого они просят меня вот что: чтобы с ноября 1919 года я разрешил им приготовить «Чудака» отдельным изданием. Это дает мне возможность *ad infinitum*¹² все силы отдать Вам и журналу, не обременяя Вас денежными просьбами, иначе мое положение в Карачеве с августа будет таково, что я вынужден буду приставать к Вам или вернуться служить в Пролет-Культ, т. е. надеть старые лямки. Если Вы согласны на это, если рассчитываете до ноября выпустить 3 или 4 номера «Мечтателей» (ничего, что последний № «Мечтателей» встретится с книгой «Записки Чудака»; я же буду продолжение «Чудака» печатать у Вас).

Эта комбинация 1) Вам облегчит в смысле материальном, 2) меня устроит для «Алконоста», который так близок моему сердцу; в таком случае напишите письмецо «Книгоиздательству Писателей» об этом, что Вы не будете в претензии, если бы они, скажем, 15 ноября выпустили книгу, или войдите в контакт с ними через Михаила Осиповича Гершензона (прикосновенного к издательству и меня сосватавшего с ним). Адрес М.О.Гершензона: Москва. Никольский пер<е>улок>, д. 13 (во дворе:*)¹³; его можно застать от 8–9 часов вечера каждый день. Кстати: он очень ценит Ваше издательство, я показывал ему № «Журнала», он – расхвалил его; и очень, очень не прочь писать: он сотрудник ценнейший, если А.А.Блок не имеет ничего против (как и Вы), то *пригласите его*: он охотно даст¹³ (он же друг Вячеслава)¹⁴. Кроме того, я советую Вам с ним завести сношения и *деловые*: Ангарский¹⁵ (редактор «Кни<го>издатель<ства> Писателей») *влиятелен в Сов-деле* и имеет прямые отношения с начальством; они

* Далее – рисунок-схема с указанием местонахождения квартиры М.О.Гершензона.

получают большие ассигновки, и от них, а не от Луначарского зависят дела печати: псевдоним Ангарского «Клёстов» (Николай Семенович), встретиться с Ангарским. Или же: если бы Вам нужно было зайти в «Кн<игоиздательство> Писателей» и лично поговорить с ними, то – вот адрес. Скатертный пер<еулок>, д. 8 «Кн<игоиздательство> Писателей», ежедневно от 11 до 12 там Александра Ник<олаевна> Чеботаревская¹⁶ (сестра Анаст<асии> Ник<олаевны>) там служит; она – друг Вячеслава и Гершензона; с ней и вступите в контакт. По субботам от 11 и далее там заседания, и потому не ходите туда по субботам. С *Грузинским*¹⁷ (старичком), там сидящим, не слишком вступайте в контакт, а говорите с Алекс<андрой> Ник<олаевной> Чеботаревской (она секретарь; и «*наша*»); Грузинский же все дела только тормозит; может быть, Вы добьетесь через Гершензона и Клёстова разных благ для «*Алконоста*» скорей, чем чрез Луначарского, который – *ничего не может*, и – едет на фронт.

Если Вы согласны с моим предложением, заявите это «К<нигоиздательств>ву Писателей»; они пишут контракт со мною; они тогда внесут в контракт, что обязуются мне с *августа*, или даже *июля*, платить жалованье; так просто вопрос об оставлении службы разрешится для меня наилучшим образом.

Спешу кончить; всех благ, ужасно жалею, что не застаю уже Вас. Я Вас очень люблю, и кроме деловых сношений мне жаль, что мы по-человечески не встретимся, не посидим вечером; а если Вы будете свободны и если в Карачеве можно устроиться, – приехали бы летом ко мне, пожить, отдохнуть от сутолоки. Провели бы недельку, две вместе.

Итак, всего, всего лучшего, дорогой Самуил Миронович: мой «*пламенный*» привет петербургским друзьям – Блоку, Разумнику, именно «*пламенный*» и именно «*друзьям*», так их ощущаю. Привет милому Алексею Михайловичу¹⁸ и хорошему Мейерхольду¹⁹. И всем прочим. Тысячу раз простите за почерк. Это от безумия спешки.

Ну, Господь с Вами.

Любящий Вас

Б. Бугаев

Москва.

7-го мая, <19>19 года

¹ Ср. текст недатированной записки Белого Алянскому: «Дорогой Самуил Миронович, гранки перепутаны: я разрезал их и пометил: за 3-ей «*a*» гранкой по рукописи следует 3 «*b*»; пожалуйста, проследите, чтобы было верно. Борис Бугаев».

² Ср. запись за апрель 1919 в РД: «...пишу статью “Лев Толстой и иога”, другую для “Зап<исок> Мечтателей” под псевдонимом “Alter Ego”», а также запись в указателе Белого «Себе на память»: «439. Апрель. 1919. “Лев Толстой и иога”. Реферат у Гершензона» (Л.10). Статья о Толстом не была напечатана. «Утопия» появилась под псевдонимом «Alter Ego» в «Записках мечтателей» (1921. №2/3). В 1920 статья «Учитель сознания (Л.Толстой)», по-видимому, связанная с ранней статьей о нем, была опубликована в московском журнале «Знамя» (№6(8). Стлб.37-41); перепечатана в берлинском «Знамени» (1921. №1. С.22-23). Ср. письмо Белого Иванову-Разумнику от 26 августа 1919: «Прочел горку книг: одно время с головой ушел в Толстого; и все, что я ни читал, казалось мне еще не читанным никогда; книга Толстого “О жизни” показалась неопровержимой, едва ли не откровением» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.178).

³ Белый жил в г. Карачеве Орловской губернии с мая по июль 1919 (вместе с К.Н.Васильевой). Ср. письмо Белого Иванову-Разумнику от 26 августа 1919: «Я уехал в Карачев; сидел там 2 месяца; перечел многое, прочел Моммсена, переработал заново “Путевые заметки”; вышла – совсем как бы новая и *очень недурная* книга <...> а “Чудака” временно отложил» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.178).

⁴ «Глоссология» вышла не в таком виде, а отдельной книжкой. См. письмо 12, примеч. 5 и письмо 15, примеч. 5.

⁵ Ср. «Себе на память»: «256. Февраль. 1917. “О ритмическом жесте”. На семинарии акад<емика> Венгерова. Универс<итет>. Петербург» (Л.7). В статье «Жезл Аарона» (Скифы. Сб.1. 1917. С.203) Белый сообщал, что опубликует «О ритмическом жесте» во втором сборнике «Скифы», но этот замысел не был осуществлен. Впервые фрагменты из этой работы были опубликованы как третье приложение к статье: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* О стиховедческом наследии Андрея Белого // Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам. XII (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып.515). Тарту, 1981. С.132-139.

⁶ Павел Никитич Сакулин (1868–1930) – историк русской литературы, профессор Московского университета; активно работал в литературном отделе Наркомпроса, возглавлял Общество любителей российской словесности. В ноябре 1918 Белый читал лекцию «Стиховедение» в Обществе любителей российской словесности в Московском университете (Себе на память. №374. Л.8об.).

⁷ По всей вероятности, имеется в виду Иван Никанорович Розанов (1874–1959) – историк русской литературы, книговед, профессор Московского университета с 1918, автор многих статей о стихосложении. Его брат Матвей Никанорович (1858–1936), с 1911 профессор Московского университета, с 1921 – академик, больше интересовался вопросами западноевропейской литературы.

⁸ Впоследствии Белый жил на квартире В.Г.Анненковой и ее мужа Александра Ивановича Анненкова. Ср. запись за август 1920 в РД: «Переселяюсь жить к Анненковым (Бережковская наб., Красный Луг, Дорогоми-

ловский химический завод, "Анилтрест")». Белый также жил у них по возвращении в Россию из Германии с конца 1923 по март 1925. Ср. запись за январь 1924 в РД: «Длится та же безрадостная жизнь у Анненковых в комнате с разбитым окном, в атмосфере скандалов, устраиваемых В.Г. Анненковой, эт<ого> исключительного по жестокости человека».

⁹ Алексей Сергеевич Петровский (1881–1958) – переводчик, антропософ, в 1914 участвовал в постройке Гетеанума в Дорнахе; по выражению Белого, его «вечный спутник по жизни». Многолетний сотрудник библиотеки Румянцевского музея, затем Библиотеки имени Ленина. Знаток истории мировой гравюры и коллекционер (см.: Гравюры из коллекции А.С.Петровского: Каталог. М.: Изд. Гос. библиотеки им. Ленина (Отдел редких книг), 1980).

¹⁰ Клавдия Николаевна Васильева (урожд. Алексеева, во втором браке Бугаева; 1886–1970) – антропософка, ближайший друг и спутница жизни Белого после его возвращения в Россию в 1923 из Германии; с 1931 официально – его жена. Автор воспоминаний о Белом. См.: *Бугаева К.Н.* Воспоминания об Андрее Белом / Публ., предисл. и коммент. Дж. Малмстада; Подг. текста Е.М.Варенцовой и Дж. Малмстада. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. Ср. записи в РД за 1918: январь – «Начало личного сближения с К.Н.Васильевой»; февраль – «Углубляется мое сближение с К<лавдией> Н<иколаевной>»; март – «Углубляется еще близость с К<лавдией> Н<иколаевной>»; апрель – «Близость с К<лавдией> Н<иколаевной> оформляется и переходит в ту прочную связь, которая стала уже нерасторжимой в десятилетия 1918–1928 годах». Апрель 1919 – «Совершенно измученные мы с К.Н. собираемся в Карачев: отдохнуть».

¹¹ Петровский заведовал библиотекой Русского антропософского общества, помещение которого находилось на Садовой-Кудринской, д. 6, кв. 2.

¹² без конца (*лат.*).

¹³ Гершензон опубликовал две статьи в №5 «Записок мечтателей» за 1922 год: «Солнце над мглой (Афоризмы)» (С.90-107) и «Демоны глухонемые» (С.127-135).

¹⁴ Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949) – поэт, критик, филолог-классик, теоретик символизма; печатался в «Записках мечтателей» (№1 и №2/3). См. запись за март 1919 в РД: «Частые встречи с Гершензоном, с Ивановым (В.И.)».

¹⁵ Николай Семенович Ангарский (псевд. Клестов; 1873–1941) – литератор, редактор-издатель; в 1912 вместе с В.В.Вересаевым, И.А.Бунинным и другими писателями создал «Книгоиздательство писателей в Москве» и был его секретарем и заведующим до 1919. С 1917 по 1929 – член президиума Исполкома Моссвета, заведовал отделом печати Москвы.

¹⁶ Александра Николаевна Чеботаревская (1869–1925) – переводчица, сестра критика и переводчицы Анастасии Николаевны Чеботаревской (1876–1921), жены Ф.Сологуба; близкий друг семьи Вяч. Иванова (в их среде называлась «Кассандрой»); покончила с собой в припадке отчаяния после смерти Гершензона в 1925.

¹⁷ Алексей Евгеньевич Грузинский (1858–1930) – филолог, переводчик, педагог, член литературного кружка «Среда» и товарищества «Книгоиздательство писателей в Москве».

¹⁸ А.М.Ремизову.

¹⁹ Всеволод Эмильевич Мейерхольд (1874–1940) – актер, режиссер. Многолетний друг Белого; один из членов-учредителей Вольфилы. Письма Белого к В.Э.Мейерхольду и З.Н.Райх опубликованы в журнале «Новое литературное обозрение» (2001. №51. С.132-166).

18. Андрей Белый – Алянскому
<Конец ноября – начало декабря 1919. Москва>

Дорогой Самуил Миронович,

Нет слов, как мне стыдно и больно! Но обращаюсь к Вашему пониманию «человека» в Человеке; у каждого из нас есть Чело Века в человеке¹; обратно: Чело Века («Манас»²), когда он вполне войдет в нас, будет носить в себе некий придаток, который будет бременить его «человека»; сейчас этим «человеком» с малой буквы мы опухли; иногда он раздувает до колоссальных размеров; и дух в нас угасает под бременем физиологической усталости (нервы, невращения – усталость: физиологии); и вот –

– на этот раз Вы меня застали в «максимум» моих «человеческих» недомоганий, которые сложились оттого, что $\frac{1}{2}$ полугодия выпутывал сам себя, $\frac{1}{2}$ (второго) полугодия выпутывал из трудных обстоятельств маму, друзей; а последние две недели попал в вихрь необходимых, весьма сложных, отнимающих все время путаниц, связанных одновременно с издательскими делами («Звено»³, «Моск<овское> Книгоизд<ательство>», «Копельман»⁴, «Академия»⁵, и т. д.) и с личными (ставил маме печку, раздобывал дров, бегал в поисках за деньгами, разузнавал о «за-границе»⁶); и все это вместе; принимая во внимание, что я едва держусь на ногах, служу от 11 до 4-х, читаю курс лекций – «духовных»⁷ (а это не то, что культурно-просветительные): читая их, становишься *volens-nolens*⁸ в необходимо личных отношениях с *intérieur*⁹ суммы сознаний тебя слушающих, т. е. навещаешь их, разъясняешь им, *внутренно* готовишься к затрагиваемым темам, а не только приготавливаешь «тему лекции»; словом: –

– бремя всей этой суммы бремён в минуту усталости делается кашей в сознании, которая давит на здоровье; последнюю неделю я едва стоял на ногах; все вечера – заняты; вчера же, в пятницу, окончательно было слег; но «встал», прочел 2-часовую лекцию, чтобы не

«встать» уже надолго; тут друзья уговорили меня отдохнуть; и — увозят под Москву (знакомый химик¹⁰ живет под Москвой, на фабрике, и каждое утро на лошадях приезжает в Москву); поэтому сегодня, пишу рано утром, увозят меня на субботу-воскресенье; в *понедельник* и *вторник* с знакомым приезжаю на службу; со службы же отправляюсь за Девичий Монастырь, дабы 2-ую часть дня провести в тишине.

Я не могу Вас предупредить: послать некого; ноги уже не держат; и так боюсь, что слягу. Придется принести Вам величайшее извинение: и простить меня по *человечеству*, т. е. попросту *понять*; уже давно (года 2) Дух во мне держится на нервах (а держаться на нервах есть *опиум* для духа жизни: наша русская жизнь так глупа, что не понимает жизни духа; она требует духа и заклеывает того, кто к ней подходит с духовным устремлением); так я: 3 года поднося «*духовное*» в *душевном* (душевное же, если не взято Духом, взято нервами), — отдал *нервам*, что со мной всегда случалось в России; т. е. развинтил свой организм: и оттого бывают минуты, как сейчас, когда без санатория (импровизированного) стоишь под знаком полной прострации; а мне нужно укрепиться *молчанием* хотя бы для слов курса «*Философия дух<овой> культуры*», который открываю 15 декабря в О<бщест>ве Вольно-Философском¹¹. Я не лектор, не профессионал; мои лекции или — ерунда набора слов, или кусочек *подлинно* *узнанного*; стало быть, прочесть курс мне — отдать себя без остатка; а надо, чтобы было *что отдать*.

Будучи застигнут моей прострацией *врасплох*, я *врасплох* должен был воспользоваться отдыхом под Москвой и уехать.

Зная Вас, что Вы «человек», т. е. в Вас не «только» сумма интересов (литературных, *темных* (от «тема»), но и еще *что-то*, что меня и привлекает в Вас, я апеллирую, минуя наши оболочки (мою, измученную, и Вашу, имеющую все права на меня рассердиться) и говорю Вам от «*что-то*» во мне к «*чему-то*» в Вас: простите меня; я не виноват, что человек 15–20 ждут, что сквозь меня им нечто скажет (ведь слушать курс о *духовном* или абсурд, или показатель *решимости*, последней *серьезности*; слова личного утешения — *душевные*; «курс» есть форма моя утешения в Духе тех, кто в этом нуждается; это — строже, ответственной); если уж и случился такой казус, что люди слышат *Меня* во мне сквозь мои усталые нервы, то надо тем бережнее мне относиться к остаткам обнаженных нервов, которые во мне так разбиты и которых пища — (вся пустая никчемная, культурно-просветительная и даже литератур-

ная жизнь) – стекольные иглы; мне тем больнее жить среди *игол* и врезаться в других иглами своей усталости, что еще до возвращения своего в Россию я осознал эту «литературную» жизнь, как круговую поруку во взаимной душ<евной> гибели, как чередование речей и собраний с «попойками» (гашишом <так!>) в прежнее время и разговорами о «продуктах» в нынешнее время. Увы, Россия меня доканчивает: прирезывает без остатка; я намерен во имя того, что чрез Меня *не мною* может быть сказано, спастись: бежать из России; оттого я намерен остаток сил предпринять для собирания денег и выискивания возможностей при первом возможном случае уехать за границу в нормальные условия жизни – к Асе и *себе самому*¹². Поэтому мне удобнее остаться в Москве и не переехать в Петроград, ибо в Москве больше шансов хлопотать у властей о выезде или отправке меня за границу; об этом же пишу подробно Разумнику Васильевичу¹³. Может быть, приеду в Петроград, если имеет смысл мне прочесть в неделю курс в 7–8 лекций; но это – не ранее, как через месяц¹⁴.

Гоголю для «*Мертвых душ*» был нужен «Рим» десять лет; Иванову для «*Явления Христа*» была нужна Италия всю жизнь; в России он сумел сделать лишь одно: приехать и умереть от холеры. Глинка проклинал Россию: потому что он знал: будь он на Западе, он был бы не Глинкой, а Вагнером; Пушкин был бы более, чем Гете, будь он в условиях Гете; он – повелевал бы королями, не был бы шутком Николая I-го, не умер бы на дуэли.

Тема моя – о, во сколько же трудней Гоголя: мне надо воскресить преждевременно «*Мертвые души*» России словами о «*Явлении Христа*» не на картине, а в жизни; к началу 30-х годов (через 10 лет) я должен написать ряд томов «*Я*», дабы были высечены ступени в сознаниях к Тому, *Что свершится* в человечестве сперва около 933 года, потом 954 год будет решителен для судеб России и мира¹⁵.

Мое произведение есть *слово о том, что должно быть*: какие же *юги, моря и Италии* мне нужны для воскресающих в Духе Истины душ: *знаю свое дело прочно и точно*: из 100 возможностей лишь 10% за осуществление моего плана жизни; но если *осуществляю* хоть 1/100 этих 10%, то – никакими морями и материальными благами не окупится слово, предшествующее *Делу Света*.

В то время как 99 из 100 деятелей искусства ставят себе цели видимые, я из моей тяжелобойной пушки бью в *воздух* для никого не видимой *Цели*: если в нее попаду (все шансы, что нет), то дам нечто эпохальное *à la* поэм Гомера.

Или меня не будет, или будет в России *духовное искусство*, т. е. монументальное, огромное, которому, как Тредьяковский Пушкину, открою дверь.

Смешно, что для этой фантастичной, далекой цели, обивая пороги, принимаю уйму ненужных обязательств, чтобы выюркнуть из *«тотии»* современного людского сознания.

Если в 1920 году не уеду за границу, в 1921 году ни Бугаева, ни Белого, ни «Я» уже не будет: и не будет одной из возможностей, загаданной Светом России.

Дорогой Самуил Миронович, простите, что сплетаю мое объяснение тому, что уехал из Москвы, с большими словами о *делах и путях*, завещанных русским душам; но мне хочется *что-то* вне душевного личного общения сказать к *что-то* в Вас: сказать *духовно*, на расстоянии, ибо говорить *духовно* мы, русские, еще не учились лично. Русские, увы, еще «*русские*» с маленькой буквы; и таким «*русским*» я быть не желаю; я хотел бы стать Русским или кануть росинкой; и раствориться в океане человечества; в России не *растворишься* благодатно (если и станешь странником, то – Бог мой, сколько журнальных статей о твоём странствии привесится к странствию: странствие превратится в всероссийский прием у себя на дому, а ты – в Калиостро¹⁶); в России не *растворишься*, но и не станешь Русским; моя цель: или стать *Им*, или угаснуть.

Ныне, странники, с вами я, скоро ж
Дымным дымом от вас пронесусь –
Я, просторов рыдающий сторож,
Исходивший великую Русь.

(Пепел)¹⁷

Мне нужно «кануть»: с глаз долой; и – из «душ»: в широкий простор человечества, или – в Дух Русский; то и другое – возможно на Западе; и оно – невозможно в России: в России удел наиболее одаренных людей видеть все в аспекте «*К худу*» (слова Блока)¹⁸, заглушать проблески духа в себе – *вином и любовью* (цыганской любовью), чтоб потом, на пепелище родных упований распевать про *Горе Отчаянное* своей *Нечаянной Радости* и устраивать «*балаганчик*» там, где от века было положено стоять «Пределу Иоанновой Церкви» («*Иоаннова Здания*») – ведь страна этого пресвитера в географиях средневековых показана на севере России)¹⁹. Я это осознал давно, в эпоху участия в гениальных балаганчиках «*русского*» беспросвет-

ного страдания, которое не выведет к Русскому. Освободит Душу России – Запад:

«Тебя с окрестных мест
Иду встречать в туман»²⁰.

И туда, к Западу, поднимаю свою свечу, зажженную от Гроба Господня (есть у меня такая)²¹.

В туман окрестных мест
Дымись, моя свеча!

Дорогой Самуил Миронович, если Вам есть что мне передать, имейте в виду, что в понедельник и во вторник я в отделе: от 11½ – 12 до 3½ – 4 меня можно там застать; позднее я вне Москвы; если бы паче чаяния бы Вы были в Москве в среду, то не сердились бы на меня, – то в среду вечером – дома; сегодня все равно, если бы был в Москве, не застали бы меня в себе: Вы видели бы осколки нервов, под которыми безмолствует Дух человека.

Всего хорошего. Господь да хранит Вас. Георгию Федоровичу мой привет и утешение в скорбных днях, выпавших на его долю. Пусть крепится.

Борис Бугаев

P.S. По-моему, корректуры расставлены верно: рисунки – так: к ним удобно возвращаться.

Если что не так, Вы сумеете лучше меня понять: я – доволен.

Не увозите «Звезду»²². Если у Кожебаткина не выйдет, то нет ни рукописи, ни копии. Я хватаюсь, как за зеницу ока, за отданный Вам набор.

Не потеряйте «Глоссологию»: печатайте ее 4-м выпуском Кризиса.

Целую Блока: то, что говорю о нем – поймите: ему тяжело и его «К худу» от огромности ответственности, на нем лежащей.

Датируется на основании письма Белого Иванову-Разумнику от 30 ноября (часть большого письма, написанного со 2 ноября по 1 декабря 1919): «И вдруг сегодня нагрянул Алянский с целым рядом сведений о Вас» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.192).

¹ Ср.: «Было в нем <А.Блоке> нечто эпохиальное, и потому-то, когда он входил в то или иное общество, сидел, молчал, наиболее чуткие воспринимали это молчаливое присутствие Блока как присутствие Эпохи и как Чело Века, действующего в этом прекрасном челе, перерезанном строгою морщиной сосредоточенной боли» (Андрей Белый. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // Записки мечтателей. 1922. №6. С.111).

² Манас (*санскр.*) – ум. Одно из основных понятий древнеиндийской философии: ум в самом широком смысле, охватывающий все ментальные проявления; термин воспринят теософией: «Буквально “ум”, ментальная способность, превращающая человека в разумное и нравственное существо и отличающая его от простого животного. <...> Эзотерически, однако, это означает, в широком смысле, Высшее Эго, или чувствующий перевоплощающийся Принцип в человеке» (*Блаватская Е.П. Теософский словарь. М., 1994. С.269-270; ср.: Андрей Белый. Символизм: Книга статей. М., 1910. С.493, 499-500*). В интерпретации Рудольфа Штейнера – самостоятельная духовная форма, духовное «я» человека (Самодух), которое каждый должен в себе развить. По Штейнеру, человечество ныне живет в пятой послееатлантической эпохе, готовящей следующую, шестую, эпоху – эпоху Манаса. Согласно его учению, славяне, и в первую очередь русский народ, играют особенную роль в ускорении этого процесса.

³ Ср.: «Себе на память»: «487. Август <1919>. Прения в кружке писателей “Звена”. Москва. 488. Сентябрь. Прения в кружке писателей “Звена”. Москва» (Л.10об.).

⁴ Соломон Юльевич Копельман (1881–1944) – совладелец (с З.И.Гржебиным) и главный редактор издательства «Шиповник» (1906–1918). Ср. записи в РД за 1919: август – «Встречи с Копельманом; продаю ему собрание сочинений»; декабрь – «Веду переговоры с Гржебиным; при содействии Эфроса и Григорова освобождаюсь от Копельмана, чтобы закабалиться у Гржебина». Договор с Копельманом на издание собрания сочинений Белого в 22 томах был подписан 10 августа 1919 (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.340. Л.6, 6об.).

⁵ Ср. «Себе на память»: «489–492. Ноябрь–декабрь <1919>. Прения в кружке Бердяева. На квартире Бердяева в связи с организацией “Академии Духовной Культуры”» (Л.10об.).

⁶ Ср. ноябрьскую запись 1919 в РД: «С начала ноября задумываем с К<лавдией> Н<иколаевной> мой отъезд за границу».

⁷ С сентября 1919 по март 1920 Белый служил в Отделе охраны памятников старины (сбор материалов по истории революционных коллекций во Франции, изучение истории французской культуры и Великой французской революции). С сентября по декабрь 1919 он читал курс «Антропософия» «для интересующихся при Антропософском Обществе» (Себе на память. Л.10об.).

⁸ волей-неволей (*лат.*)

⁹ внутренней жизнью (*франц.*).

¹⁰ «Знакомый химик» – Александр Иванович Анненков (см. о нем также письмо 17, примеч. 8).

¹¹ Ср. запись за январь 1920 в РД: «“Философия духовной культуры”, 1-ая и 2-ая <лекции>. Начало предполагаемого моего курса в “Ак<адемии> Дух<овной> Культ<уры>”». Ср. также письмо Белого Иванову-Разумнику от 4 ноября 1919 (часть письма, написанного со 2 ноября по 1 декабря): «Собирается в Москве возникнуть “О<бщест>во духовной культуры”, на-

мечен ряд курсов: беда одна – не можем найти помещения; задания – во многом близки: “*Вольно-философскому Обществу*”. Среди курсов проектированы: <...> 7) мой “Философия духовной культуры” (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.191). Курс не был окончен вследствие переезда Белого в Петроград для участия в делах Вольфины («Ликвидирую дела с Москвой». – РД, февраль 1920).

¹² Ср. письмо Белого Иванову-Разумнику от 30 ноября 1919: «2) Я решился предпринять невероятные усилия, чтобы с первой возможностью ехать из пределов России – разыскивать Асю, от которой не имею никаких вестей; <...> в этом слепом стремлении *ехать, ехать, ехать, ехать* во что бы то ни стало есть инстинкт: стоит жизненная задача – написать ряд томов “Чуждака”; <...> все это я хочу объяснить Луначарскому, не как Комиссару, а как человеку, могущему же понять, что все бытие мое, творчество, жизнь зависит от свидания с Асей, Доктором <Р.Штейнером> и от того, смогу ли я в грядущих годах советской России рассчитывать быть писателем» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.193).

¹³ Ср. письмо Белого Иванову-Разумнику от 30 ноября 1919: «С.М.Алянский передает приглашение в Петербург». В письме Белый перечисляет «сильные *pro* за приезд; но и *contra*. Эта борьба мотивов и повергает меня в смятение» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.192).

¹⁴ Ср. письмо Белого Иванову-Разумнику от 1 декабря 1919 (конец письма, начатого 2 ноября): «Меня осеняет мысль: может быть, устрою курс моих лекций в Ассоциации <Вольфиле> в случае, если бы мне пришлось приехать на время: я бы мог прочесть курс лекций (от 5 до 7-ми), так сказать, залпом <...> в общем прожил бы дней 10–12» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.195). В середине февраля 1920 Белый уехал в Петроград, где он оставался до 9 июля. 19 февраля 1920 Белый сообщал Иванову-Разумнику: «Третьего дня приехал: специально – читать курс в В.Ф.А.» (Там же. С.201).

¹⁵ Ср. «писулю», которую Дудкин читает Степке в конце второй главы романа «Петербург»: «Близится великое время: остается десятилетие до начала конца: вспомните и передайте потомству; всех годов значительней 1954 год» (Андрей Белый. Петербург. Л., 1981. С.105).

¹⁶ Джузеппе Бальзамо, граф Калиостро (1743–1795) – знаменитый авантюрист-шарлатан, выдававший себя за медика, натуралиста, алхимика, заклинателя духов и т. д.

¹⁷ Последняя строфа стихотворения Белого «Полевой пророк» (1907) в книге: Андрей Белый. Пепел. СПб., 1908. С.160.

¹⁸ Употребляемое в начале века разговорное выражение. Ср. рассказ З.Н.Гиппиус «К худу» (Новый путь. 1903. №10); в сборнике рассказов З.Гиппиус «Алый меч» (СПб., 1906) – под заглавием «Все к худу»; видимо, Белый имеет в виду употребление его Блоком в устной речи.

¹⁹ Обыгрываются мотивы из творчества А.Блока в своеобразном толковании Белого. Ср. из его «Воспоминаний об Александре Александровиче

Блоке»: «Этот второй период обнимает деятельность А<лександра> А<лександровича> эпохи писания им стихов о “Нечаянной Радости”, “Снежной Маски”, “Балаганчика”, “Незнакомки” <...> вся серия моих заметок в “Весах” под заглавием “На перевале” стоит в связи с непонятым мною миром сознания А<лександра> А<лександровича>, столь мучившим меня, и в связи с моей горькой и глубоко несправедливой рецензией о “Нечаянной радости” (“На перевале”), где сказано, что Блок, подменю “Прекрасной Дамы” “Незнакомкой”, приобрел поэтическую внешнюю силу ценою исключения себя из предела Иоаннова Храма, т. е. здания новой культуры, построенного на новом культе человеческих отношений» (Записки мечтателей. №6. С.110-111). В упомянутой рецензии на «Нечаянную радость», впервые опубликованной в журнале «Перевал» (1907. №4), Белый писал: «Да ведь это не “Нечаянная Радость”, а “Отчаянное Горе”» (Андрей Белый. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С.210).

В средневековых сказаниях о могущественном христианском царстве Иоанна-пресвитера его местонахождением обычно указывается не север России, а Средняя Азия или Индия.

²⁰ Искаженная автоцитата из второй части стихотворения «Голос из прошлого» (1911): «Тебя / С востока / Мы – / Идем / Встречать / В туман». Дальше читается: «В туман окрестных мест дымись, / Моя свеча!» (Андрей Белый. Королева и рыцари. Сказки. Пб.: Алконост, 1919. С.38-40).

²¹ 22 апреля 1911, на море, «в виду Одессы», Белый писал матери: «Мы очаровательно провели время в Иерусалиме, попав в понедельник вербной недели и встретив Пасху. Все главные церемонии были на наших глазах: ход с пальмами к пещере Лазаря, омовение ног, благодать Огня в Храме Гроба Господня и светлая заутреня (там же)» (Путешествие на Восток. Письма Андрея Белого / Публ. Н.В.Котрелева // Восток–Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С.177).

²² Ср. майскую запись 1918 в РД: «Приготовляю к печати сборник “Звезду” (Кожебаткин хочет издать)». О нем Белый писал Д.М.Пинесу 6 апреля 1927: «Кожебаткин, этот “легальный экспроприатор” рукописей, типичный “паразит”, посасывающий писателей “culex scriptorum” <здесь: литературный комар. – лат.>, не желал ни отдавать рукописи, ни выпускать в свет “Звезды”» (Письма Андрея Белого Д.М.Пинесу / Публ. Дж. Малмстада // Новое литературное обозрение. 1995. №12. С.89). Сборник стихотворений «Звезда» был выпущен в свет Госиздатом в Петрограде в 1922.

19. Андрей Белый – Алянскому
 <Конец 1919. Москва>

Глубокоуважаемый Самуил Миронович,
 к сожалению, вызван по делу: не могу лично с Вами проститься.
 Обращаю Ваше внимание на то, что в корректуре пропущен ряд стра-

ниц рукописи (от стр. 71-ой по стр. 75 включительно). Прошу Вас проследить, чтобы соответствующее место было вставлено, а то получается невнятица в тексте. К сожалению, не мог написать письма А.А.Блоку; прошу Вас передать от меня сердечный привет и благодарность за книги. Желаю Вам всякой удачи. До скорого (надеюсь) свидания.

Примите уверения в совершенном почтении

Борис Бугаев

20. Андрей Белый – Алянскому
<Начало 1921. Москва>

Дорогой Самуил Миронович,

Ради Бога, пришлите мне несколько экземпляров *«Кризиса Культуры»*, *«Седое утро»*¹. Есть для Вас 4-ый Кризис, но не *«Кризис Слова»*, а новый (вновь написанный)². Откликнитесь!

Остаюсь искренне преданный

Б.Бугаев

Написано лиловым карандашом на клочке бумаги, реставрированной архивом.

¹ *«Кризис культуры»*, законченный Белым в 1918, вышел в свет только в первой половине 1920 (на титульном листе выходные данные: Пб., 1918; на обложке: Пб., 1920). Сборник стихов А.Блока *«Седое утро»* также был выпущен *«Алконостом»* в 1920 (10 тыс. экз.; цена 200 руб.) после ряда препятствий со стороны некоторых большевистских инстанций. См. письмо 21, примеч. 2.

² Ср. записи за 1920 в РД: август – «После скандала в “Дворце Искусств” переселяюсь жить к Анненковым и начинаю усиленно писать “Кризис сознания”»; сентябрь – «Весь месяц усиленно читаю тома Дейссена и пишу, и переписываю “Кризис сознания”». Эта работа по сей день не опубликована. В полном объеме рукопись – РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.64, 65; напечатана лишь ее заключительная часть с предисловием Э.Чистяковой (см.: *Андрей Белый. Евангелие как драма*. М.: Русский Двор, 1996).

21. Алянский – Андрею Белому
14 февраля 1921. Петроград

Глубокоуважаемый и дорогой Борис Николаевич!

Простите, что так долго не мог сообщить с Вами. Произошло много событий в моей личной жизни (женился) и в жизни *«Алконоста»*¹. Положение было таково, что *«Алконост»* чуть было не заду-

шили². Теперь он расправляет свои крылья и готов опять заявить о себе³. 4-ый Кризис с радостью будет отпечатан. Шлите его. Если нужны деньги, напишите немедленно, распоряжусь в Москве уплатить Вам (там есть мои деньги).

Обо всем случившемся с Вами следил и знаю⁴. Как чувствуете теперь себя и скоро ли будете в Питере?

Посылаю Вам при сем 15 экз<емпляров> «Кризис Культ<уры>» и «Седое утро» Блока и жду Ваших сообщений по моему новому адресу: Петербург. Знаменская 22, кв. 3. С.М.Алянскому.

Крепко жму Вам руку.

Преданный

С.Алянский

14/II – 1921 г.

Ответ на письмо 20. На бланке издательства «Алконост».

¹ Алянский женился в 1920. Его жена Надежда Львовна умерла в 1942.

² В середине 1919 комиссар по делам печати и пропаганды в Петрограде М.И.Лисовский запретил публикацию в «Алконосте» ряда книг. Издательство направило к Луначарскому делегацию в составе Алянского, Белого и Вяч. Иванова. С письмом к Луначарскому обратился Горький. Благодаря Луначарскому и Горькому инцидент удалось уладить, хотя последствия его все же сказались в следующем году, когда «Алконост» смог выпустить в свет всего пять книг. Среди них были и начатый печатанием еще 1918 «Кризис культуры» и «Седое утро» А.Блока (23 октября). См.: *Чернов И.А.* А.Блок и книгоиздательство «Алконост» // Блоковский сборник. Тарту, 1964. С.535-536; *Белов С.В.* Мастер книги... С.27-28.

³ В 1921 «Алконост» издал следующие книги: «Первое свидание» Белого, два выпуска «Записок мечтателей» (№2/3 и №4), «Переписка из двух углов» М.Гершензона и Вяч. Иванова, «У самого моря» Анны Ахматовой, «Рамзес» А.Блока, четвертое издание «Двенадцати», доклад Блока «О современном состоянии русского символизма» 1910 года (на обложке «О символизме») и его же «Последние дни императорской власти».

⁴ Имеется в виду несчастный случай с Белым (падение в ванной), после которого он с конца декабря 1920 до начала марта 1921 находился на лечении.

22. Алянский – Андрею Белому
21 июня 1921. Петроград

Глубокоуважаемый и дорогой Борис Николаевич!

Ждал Вас у себя. Был у Вас несколько раз, не заставлял. Вышел №2-3 «Записок Мечтателей». Очень нужно повидать Вас в ближай-

шие дни. Позвоните, пожалуйста, когда можете зайти или когда мне зайти к Вам¹.

Мой тел<ефон> 4-15-65, а адрес: Знаменская, 22, кв.3.

С.Алянский

21/VI-1921 г.

На обороте листа – черновые наброски стихов из поэмы Белого «Первое свидание», начатой 19 июня 1921 г.

¹ Белый проживал в Петрограде с 31 марта по 6 сентября 1921.

23. Андрей Белый – Алянскому
Начало октября 1921. Детское Село

Дорогой Самуил Миронович,

Меня пускают за границу. По этому делу должен не позднее 15-го ехать в Москву, откуда могу двинуться за границу¹. Поэтому: 1) во что бы то ни стало надо с Гржебиным кончить до². 2) Пусть Илья Мироныч составит договор с ним³. 3) Завтра непременно надо видеть Вас и Шах-Назарова⁴. Буду у Вас в «Лавке» в 3-4 часа. 3)* Теперь, Самуил Миронович, мне нужно максимум денег; сколько можете, приготовьте мне к вторнику, среде. Остаюсь в Царском до завтрашнего утра из-за стенограммы⁵. Извиняюсь перед Комитетом⁶. «Forces majeures!»⁷

Искренне преданный

Борис Бугаев

Начало текста – на обороте печатного бланка «Azow-Don Commerz-bank».

¹ В начале сентября 1921 Белый получил разрешение на выезд за границу и 6 сентября уехал из Петрограда в Москву по предотъездным делам: «С первых чисел сентября приезд Шрейдера; телеграмма от него: выезд мне разрешен. Вольфильцы (Штейнберг, Р.В.Иванов, я едем в Москву). Там мои хлопоты по отъезду» (РД. Сентябрь 1921). В конце месяца Белый ездил в Петроград, откуда 12 октября вернулся в столицу. 20 октября Белый уехал из Москвы в Берлин.

² 28 января Белый заключил договор с издательством Зиновия Исаевича Гржебина (1869–1929) на издание собрания сочинений, и в июле 1920 он подготовил план издания в двадцати томах (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.103). План не осуществился, и перед отъездом за границу Белый решил уладить свои издательские дела с Гржебиным. 6 октября 1921, находясь в Петрограде, Белый направил ему письмо:

* Так в автографе.

В течение 20 месяцев со времени подписания договора Вы не напечатали ни одной строки моей, заплатив мне всего 200000 рублей. Между тем мне со всех сторон предлагали печатать мои книги, платя мне по 500000 рублей за художественную прозу (полистано). Сколько же миллионов Вы лишили меня? <...> Я предлагаю Вам немедленно вступить в переговоры с моими доверителями Р.В.Ивановым и А.М.Шах-Назаровым о немедленном расторжении договора, ибо вопрос о расторжении его есть вопрос о возможности мне существовать и в России, и за границей.

(Лавров А.В. Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С.66-67).

³ Илья Миронович Алянский (1889–1953) – брат С.М.Алянского, бухгалтер.

⁴ Александр Михайлович Шах-Назаров – юрист, доверенное лицо Белого в переговорах с издательством З.И.Гржебина. См. письмо Белого к нему от 12 октября 1921 (Лавров А.В. Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома. С.68).

⁵ По всей вероятности, имеется в виду стенограмма речи о Блоке, прочитанной Белым 28 августа 1921 в Петрограде на открытом заседании Вольфилов, посвященном памяти Блока. Ср. дневниковую запись Белого от 29 августа 1921: «Вчера было наше заседание (“Вольфилов”). <...> Потом вошел на кафедру и около двух часов говорил. <...> Были 3 стенографистки» (Андрей Белый. Дневниковые записи / Предисл. и публ. С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова // Лит. наследство. Т.92. М., 1982. Кн.3. С.803-804). Выступления Белого, Р.В.Иванова-Разумника и А.З.Штейнберга были опубликованы в книге «Памяти Александра Блока», изданной Вольфилой в 1922.

⁶ «18 августа. <1921>. Сегодня состоялось первое организационное собрание Комитета кружка имени Блока. <...> Присутствовали: Л.Д.Блок, А.А.Кублицкая-Пиоттук, П.Е.Щеголев, Р.В.Иванов, я, Алянский» (Андрей Белый. Дневниковые записи. С.800). Ср. запись за октябрь 1921 в РД: «Заседание “блоковского комитета”. Петроград» (дважды за месяц).

⁷ Непредвиденные обстоятельства (франц.).

24. Андрей Белый – Алянскому
1 октября 1931. Детское Село

Детское Село
1 окт<ября> <19>31 года

Глубокоуважаемый и дорогой Самуил Миронович,
Представляю Вам план будущего романа «Германия»¹; в этом плане показ главным образом социальной установки, а не фабулы, которая очерчена намеренно абстрактно и кратко, ибо фабулу-то я

сумею расцветить, да и она конкретно живет во мне в эпизодах, картинах и согласована в целое «звук», «тональностью». Между нами говоря, – я не умею писать планов; ибо план вырывает реально только в процессе писания; красочно изложенная в кредит фабула (до написания) убивает в авторе интерес к писанию; недаром авторы не любят распространяться подробно о том, что они пишут; это все равно, что вырезать из утробы зародыш, желая упредить рождение ребенка.

Но Вы сами прекрасно понимаете это.

Сиюю дома, в grippe, и не могу лично завезти Вам план, его прочесть и выслушать Ваше мнение. Раз<умник> Вас<ильевич> любезно согласился Вам его передать; приватно: если найдете, что «План» не удобен для проведения его чрез «Коллегии» (я не знаю, от кого у Вас зависит утверждение), – дайте указание, в чем его изменить, оконкретить (в соц<иальном> разрезе или в разрезе фабулы). Было бы очень хорошо, если б Вы бегло его пробежали при Раз<умнике> Вас<ильевич> и передали ему свое мнение о плане или, если он не подходит, вернули; я бы переделал.

Очень выручило бы меня принятие «проекта» (утверждение) на тех условиях, о которых мы говорили с Вами, ибо повторяю: я очень нуждаюсь, а «Гихл» не высыласт ни гранок, ни текста «Начала Века»². Очень рассчитываю на Вашу помощь. Если захотите посетить нас в Детском, будем с женою крайне рады Вас видеть. Когда выздоровлю, зайду к Вам, а пока должен отсидеться в комнатах (старость – не радость: gripпы замучили!)

Итак, до скорого свидания.

Остаюсь искренне уважающий и преданный Вам

Борис Бугаев

¹ 14 октября 1931 Белый подписал договор с «Издательством писателей в Ленинграде» в лице С.Алянского, заведующего издательством с 1929, на написание романа «Германия». См.: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Неосуществленный замысел Андрея Белого («План романа “Германия”») // *Русская литература*. 1974. №1. С.197-200. План датирован: «Детское Село. 1931 года. Октябрь 1-го». См. также: *Лавров А.В.* Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома. С.76-79; Письма Андрея Белого к С.Д. и С.Г. Спасским / Вступ. ст. и примеч. Н.Алексеева; Подгот. текста писем В.С.Спасской // *Ново-Басманная*, 19. М., 1990. С.652-654.

² Белый начал работу над книгой «Начало века» 11 июля 1930 в Судаке и окончил ее в декабре в Кучине, под Москвой. Воспоминания «Начало века» вышли в свет только во второй половине ноября 1933 (М.; Л.: ГИХЛ; тираж 5000 экз.).

25. Андрей Белый – Алянскому
29 декабря 1931. Детское Село

Детское Село.
29 декабря <19>31 г.

Дорогой, глубокоуважаемый Самуил Миронович,

Спешно уезжая в Москву¹ и не будучи уверен, что сумею вернуться скоро, адресуюсь к Вам с большой просьбой. Просьба первая: вышлите мне как можно скорее переводом 200 рублей в счет гонорара за роман «Германия» (по договору за «декабрь»). Мотивы этого: очень плохи мои финансовые дела; говорят, будто я назначен «персональным пенсионером»; пока – никаких реальных признаков этого, кроме анкетного запроса от Союза Писателей, собирающегося-де провести эту пенсию (через 3 недели после газетного опубликования)²; говорят, что эти дела делаются долго: до получения пенсионной книжки могут пройти месяцы; и это в случае, если действительно пенсия мне утверждена; а я сильно не уверен в этом; во всяком случае пенсия – журавль в небе; а 200 рублей теперь – это реальная «синица», тем более нужная, что в первую голову в Москве ждут *расходы*, что никаких *авансов* не будет, ибо *полиграфические затруднения* Гихла, кажется, продолжаются.

Никак не мог быть у Вас (всякие были затруднения); и приходится ехать спешно в Москву с женой; остается надежда, что Вы поймете мои затруднения и при первой возможности вышлите мне 200 рублей переводом по следующему адресу: Москва. 21. Плющиха, д.53, кв.1 (доктора Васильева). Борису Николаевичу Бугаеву³.

Просьба вторая: весьма возможно, что я задержусь в Москве до февраля, захватив и кончик февраля (предстоит поездка в Лебедянь); между тем: Шишков выхлопотал детскосельским писателям дровяные «кубо-метры»⁴; дрова могут быть в январе. Р.В.Иванову не могу оставить денег, ибо сам нуждаюсь в Москве; итак: в январе по договору мне следует еще порция денег; итак: выдайте Р.В.Иванову, сколько он Вас попросит, денег из следуемых мне в январе; мы с ним так условились⁵; эти деньги пойдут на «кубо-метры». Простите, что я так удручаю Вас просьбами. Поздравляю с наступающим новым годом и от всей души желаю Вам удачи.

Остаюсь искренне уважающий и преданный

Борис Бугаев

P.S. Оставляю Р.В.Иванову доверенность на получение январских денег.

¹ Белый вместе с К.Н.Бугаевой уехали в Москву 30 декабря 1931. 20 марта 1932 они вернулись в Детское Село, где пробыли до 2 апреля.

² 23 ноября 1931 Совет народных комиссаров назначил Белого персональным пенсионером. 4 декабря 1931 Белый ответил на запрос Союза советских писателей в связи с назначением ему пенсии (текст ответа: ИМЛИ. Ф.11. Оп.2. Ед.хр.15; см. также: Андрей Белый и П.Н.Зайцев. Переписка / Публ. Дж. Малмстада // Минувшее. Вып.15. М.; СПб.: Феникс, 1994. С.314).

³ Белый с женой проживали тогда в Москве в квартире у Петра Николаевича Васильева (1885–1976) – врача, первого мужа Клавдии Николаевны; он входил в круг московских антропософов.

⁴ Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945) – прозаик; Белый особенно сдружился с ним и его семьей в Детском Селе в 1931.

⁵ С 10 апреля по конец декабря 1931 Белый жил на квартире Р.В.Иванова-Разумника в Детском Селе. См. письмо Белого П.Н.Зайцеву от 22 апреля 1931 (Андрей Белый и П.Н.Зайцев. Переписка. С.291).

26. Андрей Белый – Алянскому
30 мая 1932. Москва

Москва
30 мая <19>32 года

Многоуважаемый и дорогой Самуил Миронович, у меня были переговоры с «Гихлом», который печатает мой роман «Маски» уже скоро 14 месяцев; и тем не менее: книга выйдет не ранее августа <19>32 года, между тем как сдана она была в октябре 30-го <года>, разрешена к печати к началу декабря <19>31 года. Таковы темпы «Гихла». Ввиду того, что роман с рисунками к нему займет не менее 28 печ<атных> листов и ввиду отсутствия бумаги в «Гихле», – «Гихл» откладывает печатание «Начало века» до 33-го года, т. е. выпустит не ранее 34-го <года> (30 печ<атных> листов); таким образом, «Мастерство Гоголя» (22 печ<атных> листа) «Гихлом» закладывается на <19>34 (читай <19>35) год¹. Авторы, работающие над крупными томами и этим лишенные других заработков, отдав огромный моральный труд, ждут в годах появления своих книг; и в годах ждут гонорара за них.

Книга «Мастерство Гоголя» писалась мной 9½ месяцев²; она потребовала такой упорной работы (исследовательские опыты, собирание материалов, композиция их, художественная и т. д.), что я надолго физически и нервно подорван, почти лишен работоспособности, а оплата труда... ждет в годах; автор считает книгу свою, может быть, впервые вплотную подходящей к проблеме «мастерства» великого художника Слова (труд Мандельштама, отчасти трактующий этот вопрос, устарел, пуст, он вышел в 1902 году³); в 1931 году исполнилось столетие со дня выхода «Вечеров»; а за сто лет – ни одного настояще-

го, *подробного* исследования мастерства Гоголя. Я считаю без ложной скромности, что моя книга – первая по Гоголю собственно; и вместе с тем позиция книги вполне цензурна; мастерство мною берется не в отвлечении от социального момента; это не «формалистический» труд; для правильного понимания проблемы капитализма у Гоголя я принял во внимание и книгу Ленина («Развитие капитализма» в России)⁴; тенденция, сюжет, образ, ритм всюду взяты как имманентные друг другу (красочность сюжета, сюжетность краски) и т. д. Понятно, и материально, и морально я чувствую себя неважно, расстроив почти здоровье, написав, по глубокому убеждению, серьезную и очень интересную книгу и ожидая в годах ее появления.

Ввиду этого у меня был решительный разговор с тов<арищем> Копяткевичем⁵, в результате которого он дал согласие на то, что я имею право устраивать «Мастерство Гоголя» в другом издательстве (я упомянул об «Изд<ательстве> Пис<ателей> в Ленинграде»). 1-го июня формально я отдаю рукопись «Гихлу» с правом ее взять; «Гихл» ее уступает мне ввиду того, что ни в этом, ни в следующем году напечатать не может (а по договору со мной *должен* напечатать в течение года по сдаче рукописи).

Одновременно Л.Б.Каменев просит у меня «Начало века» и берется ее печатать скорей⁶; с этой второй книгой дело обстоит труднее; «Гихлу» не хочется ее отдавать; но я убедил Копяткевича, что не могу же я лежать года погребенным из-за неумения «Гихла» вести книжные дела. В принципе он дал согласие на передачу Каменеву; но, до решения этого вопроса Правлением «Гихла», я еще не свободен передать Каменеву (в «Academia») «Нач<ало> века». С «Мастерством Гоголя» я свободен поступать, как хочу. И я спешу предложить ее Вам. Книга, по-моему, очень интересна; при разглядении не пугайтесь несколько тяжелых исследовательских главок во второй главе «Стиль прозы Гоголя». Главы построены так, что каждая следующая интересней предыдущих. Считаю главу о «сюжете» Гоголя (разбор «Стр<ашной> мести» и «Мертв<ых> душ») одним из удачнейших номеров из всего, мной написанного.

Ввиду того, что я намерен эту книгу предложить «Федерации» в случае Вашего возражения на нее, то я просил бы по возможности скорей сообщить мне Ваше решение. Но мне было бы приятнее книгу отдать Вам, потому что я хотел бы в случае ее принятия получать гонорар помесечно, ибо все прочие заработки отдаю за право получить квартиру в строящемся доме писателей (все авансы «Гихла» *ухлопаны* на это дело); и – сижу без денег, а предстоит внести еще в течение одного месяца 1200 рублей; во-вторых: мне хотелось бы

рекомпенсировать этой книгой тот факт, что мне придется просить значительной отсрочки для романа «Германия»: «Гоголь» и несометимая суета, от которой ранее июля не освобожусь, не дадут возможности сесть за роман. Мои условия: 200 рубл<ей> печ<атный> лист; и желательно с момента принятия рукописи 200–250 рублей ежемесячного жалования; за «Гоголя» взял лишь 500 рублей аванса (у «Гихла»). Дорогой Самуил Миронович, буду очень Вам благодарен, если устроите мне это дело. Буду ждать с нетерпением вести от Вас. Остаюсь сердечно преданный и готовый к услугам

Борис Бугаев

Адрес: Москва. 21. Плющиха, д. 53, кв. 1 (доктора Васильева).

P.S. Считаю решающей главой для характеристики социальной тенденции четвертую главу (о сюжете), а не первую (вводительную).

¹ Роман «Маски» выпущен ГИХЛ в середине января 1933 (на обложке 1932), а воспоминания «Начало века» только во второй половине ноября 1933. «Мастерство Гоголя. Исследование» вышло после смерти автора в апреле 1934 (ГИХЛ. 5000 экз.).

² Белый начал писать «Мастерство Гоголя» в начале августа 1931 и закончил его в конце апреля 1932.

³ См.: *Мандельштам И.Е.* О характере гоголевского стиля. Глава из истории русского литературного языка. Пб.; Гельсингфорс, 1902; цитируется на с.259 «Мастерства Гоголя».

⁴ Цитата из книги «Развитие капитализма в России» (СПб., 1899; под псевдонимом В.Ильин) приведена на с.110-111 «Мастерства Гоголя».

⁵ Александр Антонович Копятевич – работник советской печати; в это время заместитель Н.Н.Накорякова, директора ГИХЛ. Белый подписал договор с ГИХЛ на «книгу о творчестве Гоголя» 8 августа 1931 (12 печатных листов, 175 рублей за печатный лист при тираже 5000 экз.) и обещал сдать рукопись в печать к 1 марта 1932.

⁶ Лев Борисович Каменев (наст. фам. Розенфельд; 1883–1936) – видный деятель ВКП(б); в это время директор издательства «Academia». Он написал предисловие к «Началу века», воспринятое Белым весьма негативно, и предисловие к «Мастерству Гоголя».

27. Андрей Белый – Алянскому
15 сентября 1932. Лебедянь

Лебедянь¹
15 сент<ября> 1932 г.

Дорогой Самуил Миронович,

С прискорбием и не без стыда уведомляю Вас, что я в первый раз в жизни не по своей воле оказываюсь неисправным во взятом мной

литературном обязательстве, — и тем более, что это неисполнение обязательства падает на «Издательство писателей в Ленинграде», выручившее меня в трудную минуту авансом (1000 р.) за предложенный роман «Германия», который меня очень волновал, но до которого не позволили мне дотянуться жизненные трудности. До мая я писал книгу «Мастерство Гоголя»; с мая ж до августа ряд неприятностей и просто невозможные квартирные условия (отсутствие жилплощади и т. д.), о которых знает Д.М.Пинес², так ухлопали здоровье, что я вынужден был дать себе отдых (для поправленья здоровья); и надолго выбит из возможности работать над худ<ожественной> прозой, столь трудно дающейся мне; я способен лишь на легкую работу, не берущую «нервы», каковая мне поручена «Федерацией»; именно: написать III т<ом> воспоминаний; контракт получен³; и мне «Федерация» должна уже больше месяца аванс, который надеюсь получить скоро и из которого с благодарностью тотчас же верну, или переведу в «Издательство Пис<ателей> в Лен<инграде>» столь выручившие меня 1000 р. На всякий случай черкните мне адрес текущего счета, чтобы «Федерация» могла перевести Вам этот мой долг; надеюсь его вернуть в октябре. Мне грустно, что я не смог выполнить свое обязательство, тем более что я еще подвел издательство, дав ему книгу о Гоголе и вновь взяв; но тут меня подвел «Гихл»⁴, сперва давший разрешение (словесное) на отдачу рукописи, а потом, когда рукопись уже была отослана Вам, вдруг отказавшийся от обещания и потребовавший рукопись для скорейшего представления в Политредактуру (тому вина — смена состава «Гихла», уход Соловьева⁵ и «междувластье» до Накорякова⁶).

В заключение позвольте Вас, дорогой Самул Миронович, сердечно поблагодарить за доброе содействие мне (и за «Германию», и за «Гоголя»). Передайте правлению издательства содержание этого письма. Остаюсь сердечно преданный и уважающий

Борис Бугаев

P.S. Мой адрес с октября. Москва. 121. Плющиха, д. 53, кв. 1. Мне.

На конверте без марки: «Ленинград. Проспект 25 октября, д. 13. «Книгоиздательство писателей в Ленинграде». Самуил Миронович Алянский (с просьбой доложить содержание письма в правление издательства)».

¹ С 9 августа по 29 сентября 1932 Белый с женой жили в Лебедяни у ссыльной Е.Н.Кезельман, сестры К.Н.Бугаевой.

² Дмитрий Михайлович Пинес (1891–1937) — литературовед, друг Иванова-Разумника и Белого; один из первых исследователей и библиографов Белого. Письма Белого к нему опубликованы нами в «Новом литературном обозрении» (1995. №12. С.85–110). Ср. письмо Белого Иванову-Разумнику

от 12 августа 1932 из Лебеядни: «Не писал, потому что последние 1½ месяца вконец измучились (архив, Гихл, хвост, квартира, поллит-редактура и т. д.)» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.705).

³ Договор на новый том воспоминаний («Между двух революций») был заключен с издательством «Федерация» 23 июля 1932: «2 тома мемуаров», 30 печатных листов (400 рублей за печатный лист) (См.: РНБ. Ф.60. Оп.1. Ед.хр.3). Позднее Белый передал рукопись книги «Издательству писателей в Ленинграде», которое выпустило книгу мемуаров в апреле 1935 (на обложке 1934).

⁴ 13 июля 1932 Белый перезаключил договор с ГИХЛ (в лице Н.Н.Накорякова) на книгу «Творчество Гоголя» (22 печатных листа, 250 рублей за печатный лист при тираже 5000 экз.). Старый договор «аннулируется, выданный аванс <...> в сумме р. 550 переносится на данный договор» (оба договора: РНБ. Ф.60. Оп.1. Ед.хр.3). См. письмо Белого Иванову-Разумнику от 5 июля 1932 (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.703-704) и письмо Иванова-Разумника Белому (открытка) от 30 июня 1932: «Р.С. Вчера мне сказали в "Изд<ательстве> Писат<елей>", что "Гоголя" вышлют Вам 1 июля» (Там же. С.702).

⁵ Василий Иванович Соловьев (1890–1939) – старый большевик, заведующий издательством «Земля и фабрика», с 1930 – директор ГИХЛ.

⁶ Николай Никандрович Накоряков (1881–1970) – работник советской печати; с июня 1932 – директор ГИХЛ.